

Айгюн Алиева

**Адам, космический
инженер 2**

Айгюн Алиева

Адам, космический инженер 2

«Автор»

2026

Алиева А.

Адам, космический инженер 2 / А. Алиева — «Автор», 2026

Адам рождается под северным сиянием и с детства видит один и тот же сон: комната в янтарном свете, женщина, сидящая к нему спиной, напев на незнакомом языке. Отец молчит о матери — чужестранке «из краёв, где не бывает настоящей зимы». Ответ придёт оттуда, где Адам не ждал. Подобранный в заповеднике на Кармее лунный камень оказывается теплее, чем позволяет физика. Годы спустя выяснится: он испускает свет в соотношении 1:1,618 — золотое сечение, ритм живого, невозможный для минерала. Камень не хранит информацию. Он спрашивает. И ждёт ответа восемьсот миллионов лет. Вместе с Сольвейг, Итаном, Мией и Даниэлем Адам строит лабораторию в астероиде, моделирует звезду и создаёт Люмина — существо, чьим первым словом был вопрос. Путь ведёт к туманности, где цивилизации наблюдали, как жизнь вспыхивает и гаснет на десятках миров, и рассылали свои осколки в надежде быть услышанными. Роман о науке как о форме внимания к миру. Нужно было лишь создать инструменты, чтобы убедиться.

© Алиева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОСКОЛКИ УГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ	5
СТРОИТЕЛИ КОСМОСА	19
КРИСТАЛЛИЧЕСКАЯ ЗВЕЗДА	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Айгюн Алиева

Адам, космический инженер 2

ОСКОЛКИ УГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ

Тёплой зимней ночью, когда северное сияние безмолвным балетом скользило по огромному небу, родился мальчик по имени Адам. Он появился на свет не с криком, а со вздохом — словно небесный вестник ненадолго принял человеческий облик. Адам был особенным. Его большие карие глаза, глубокие, как древние леса, хранили в себе и простодушную невинность младенца, и мудрость веков. Взгляд его завораживал, покорял всякого, кто встречался с ним, и заставлял влюбляться мгновенно. Когда он улыбался, казалось, будто само солнце пробилось сквозь холодную северную зиму и наполнило мир теплом. Кудрявые волосы, мягкие, как облака, напоминали космические туманности и отражали тайну его появления. Он был словно ангел из иного мира — кроткий, обожаемый, чарующий. Адам родился на Кармёе, большом зелёном острове у берегов Норвегии. Остров был скрыт от остального мира тёплыми океанскими течениями и вечными грозowymi тучами, из-за которых большую часть года подойти к нему по морю было почти невозможно. Тучи расступались лишь зимой, изредка принося лёгкий снегопад, что длился несколько дней. Эта отрезанность делала остров таким глухим, что его жители редко покидали его. И всё же у них было всё необходимое для жизни, ибо остров был щедрым кормильцем.

Был один сон, что приходил к Адаму ещё прежде, чем он вырос настолько, чтобы назвать его сном.

Он находился в комнате, которой никогда не видел, освещённой янтарным светом свечи, поставленной в глиняный кувшин. Стены были оштукатурены и выкрашены в цвет сухого песка, а на них висела вышитая ткань в тонах, каких он не встречал на Кармёе: густой гранатовый красный, синева воды в полдень. Кто-то напевал. Мелодия была ему незнакома, и всё же она проходила сквозь него так, как тепло проходит сквозь озябшие руки, — медленно, полностью, снаружи внутрь.

Он не видел её лица. Никогда не видел. Она сидела к нему спиной, тёмные волосы рассыпались по плечам, руки что-то делали у неё на коленях. Свеча дышала, тени сдвигались, и напев то нарастал, то стихал.

Он тянулся к ней. Во сне он всегда тянулся. И она всегда оборачивалась — не резко, а тем медленным поворотом человека, что слышал своё имя, произнесённое очень тихо, и хочет удостовериться, — а потом свеча гасла, и он снова оказывался в узкой кровати под скошенной крышей, и ветер дул с моря.

Он просыпался с мокрыми глазами и без всякой памяти о том, почему.

Ему было четыре года, когда сон пришёл впервые. Восемь — когда он понял, что комната была не норвежской. Десять — когда он осознал, что женщина, сидевшая к нему спиной, и была причиной, по которой отец никогда не отвечал, когда Адам спрашивал, почему в доме нет ни одной фотографии его матери.

Кристофер о ней не говорил. Она была чужестранкой, поговаривали люди, — женщиной из краёв, где не бывает настоящей зимы, и её присутствие терпели, пока не перестали. Вот и всё, что Адаму досталось. Направление: юг. Приговор: терпели.

Сон он держал при себе. Остров рано научил его, что чувства, сделанные не из соли и мышц, лучше держать ниже ватерлинии.

Но сон оставался. Каждые несколько месяцев — всё та же янтарная комната, всё тот же напев, та безымянная мелодия, что жила у него в груди ещё долго после пробуждения.

Годы спустя, когда он стал достаточно взрослым, чтобы понимать силы, управляющие телами на орбите, Адам будет думать о ней как о звезде, которую он никогда не наблюдал напрямую. Он знал, что она существует, по притяжению, что она оказывала. По пустоте, что она оставила в небе.

Хрустально чистые ключи и журчащие ручьи давали свежую воду, а водопады срывались с поросших мхом утёсов, утоляя жажду путников. Жители Кармёя держали скот — коз и кур, — чьи молоко, мясо и яйца шли в пищу. А те, кто выходил в море, возвращались с богатым уловом, добывая мерцающие серебристые сокровища океана, что составляли основу их рациона. Остров был невелик — всего сорок километров в длину, — и носил весомый титул «Дома королей викингов». Это наследие липло к его обитателям, как морская пена к их обветренным лицам. Все знали друг друга, их жизни переплетались, как корни древних деревьев. Каждый был связан с четырьмя-пятью соседями узами, крепкими, как кровные, объединённый общим наследием. Словно в средоточии этой прочной паутины стоял один человек — стойкий мореход, чья судьба связывала их всех. Адам рос здесь, в Скуденесхавне — самом маленьком из трёх городков острова, расположенном на самом его краю. Городок был поразительно красив; гавань, которую часто называли «Белой дамой империи», завораживала взгляд. Городок казался сном, сотканным из морского тумана, — мелкий песок на берегу отражал солнечный свет, отчего пляж мерцал, словно выложенный плиткой. Здания, причудливая смесь древнеримского величия и скандинавской практичности, были украшены витыми колоннами и замысловатыми лестницами, что, казалось, бросали вызов притяжению, — росчерк электромагнитной изоляции. Всё это составляло изысканное сочетание, превращавшее вид с моря в захватывающее зрелище. Жители, в основном рыбаки и земледельцы, знали с тихой, устоявшейся уверенностью, что их городок — красивейший на острове, и это убеждение наполняло их жизнь мягкой, непоколебимой гордостью. К югу от городка располагался парк, главными достопримечательностями которого были уютный павильон — приют для влюблённых, ищущих уединения, — и огромный загадочный камень, прозванный местными «лунным камнем». Это была геологическая аномалия — грубый, пыльный монолит, испещрённый трещинами и расщелинами, с кратерами через каждые несколько сантиметров, точно миниатюрный лунный ландшафт. Власти в редкий миг прозорливости расчистили пространство вокруг камня и объявили его национальным заповедником, чтобы сохранить эту странную, потустороннюю красоту для будущих поколений. Метрах в тридцати от камня стоял павильон — идеальное место для счастливой пары, чтобы отдохнуть и полюбоваться восходом солнца над океаном. Лунный камень, чуть смещённый влево и едва возвышавшийся над уровнем моря, каждое утро отбрасывал длинную, драматичную тень, что растягивалась по всему пляжу, — мимолётную темноту, отступавшую вглубь острова с лучами солнца. Он был похож на метеорит, небесного гостя, что рухнул с небес много веков назад и расколол прибрежную скалу надвое. Он казался древним, отягощённым грузом несчётных тысячелетий. Но время и тщательные геологические исследования раскрыли его истинную природу: этот камень был не вестником из космоса, а принадлежал самой Земле. Радиоуглеродный анализ показал, что ему почти восемьсот миллионов лет, — безмолвное свидетельство глубокой, забытой истории планеты. Вероятно, он имел вулканическое происхождение и когда-то был скован льдом, что переключал из Гудбраннсдалена. Этот странствующий геологический изгнанник после долгого пути обрёл последнее пристанище на берегах Кармёя, где получил имя кварцевого доломитового мрамора. Когда Адам был новорождённым, его мать отняли у него, изгнали с островов и отправили обратно на родину, откуда она пришла. Она была чужой, женщиной иной культуры, иной крови, и Адама забрал отец. Мужчины Кармёя, яростно оберегавшие свой род и свои традиции, страшились чужеземного влияния на будущих воинов и отцов. Им нужны были сыновья, закалённые суровой реальностью островной жизни, — способные выстоять перед беспощадными зимами, голодом и неумолимыми требованиями моря. Им нужны были сыновья, покорные общей воле и в

то же время физически сильные, готовые встретить любое испытание, какое ни бросит жизнь. Жители Кармёя верили в то, что нужно растить сильнейших мужчин — тех, кто соединяет грубую силу с хитрым умом. Только такие могли выжить и защитить свои островные дома среди коварных, истерзанных штормами вод. Они должны были быть выносливыми, крепкими, непреклонными и готовыми оборонять свои жилища. Отец Адама, Кристофер, стойкий приверженец этих традиций, был полон решимости сделать из сына образец кармёйской мужественности. Кристофер, земледелец в третьем поколении, взирал на увлечения сына со всё возрастающей тревогой. Он видел в Адаме не просто мальчика, а странника, чей взгляд был устремлён на нечто за горизонтом, за пределы Кармёя, за пределы привычного мира. Кристофер хотел, чтобы сын продолжил его дело, чтобы будущее его было прочным и надёжным, чтобы он нашёл своё место здесь, на острове, среди своих. Ему пришлось пойти на крайние меры, воспитывая мальчика в убеждении, что их будущее — на этом острове. И потому он и его родня выбрали строгие обычаи, чтобы закалить Адама. Методы были суровы и неумолимы. Общественные нормы насаждались с почти религиозным рвением, и любое отклонение от принятого идеала — любой намёк на слабость, любой проблеск своеволия — каралось стремительными и жестокими способами душевного давления, доходившими до того, что ребёнок чувствовал себя изувеченным и презираемым родными и друзьями. Психологический гнёт был не менее мучителен, чем телесные испытания: отчуждение и презрение родных и друзей оставляли шрамы глубже любых ран. В этом обществе не было места сентиментальности, нежным чувствам любви или дружбы. Выживание общины, общий интерес стояли превыше всего, а отдельная душа была лишь жертвой на алтаре древних традиций. Вдобавок к своей внешности и обаянию Адам был яростным индивидуалистом. Он любил петь, танцевать и играть музыку, но не выносил библейских проповедей. Адам был удивительным ребёнком: ласковый и великодушный, добрый к близким и товарищам по играм, он защищал и друзей, и негодяев. Он делал то, что хотел, не подчиняясь всем нормам, потому что так чувствовал. Он был золотым ангелом, чем-то не совсем человеческим. Уже ребёнком он обладал высоким духом, что не желал покоряться тесным рамкам кармёйского общества. Он был дикарём, полевым цветком, распустившимся в тщательно ухоженном саду. Музыка наполняла его радостью, парящие мелодии пробуждали в нём свободу танца, и душа его тянулась к песням. А строгие, консервативные церкви оставляли его холодным и задумчивым. Он был аномалией, ангелом, быть может, существом из чистого, беспримесного света — слишком лучезарным для теней конформизма. Он был эмпатом, его сострадание распространялось на всякого встречного. Раздвигая пределы того компаса, что указывал на особенности узких островных традиций. Его любознательность и жажда знаний, безграничная и неутолимая, формировали его мировоззрение, простиравшееся далеко за пределы интересов сверстников. Ум его был лабиринтом, полным сообщающихся между собой чертогов, каждый из которых кипел жаждой понимания. Адам был мудр не по годам — настолько, что однажды заявил отцу: «Не хочу в детский сад!»

Стояло сентябрьское утро, за неделю до начала учебного года на острове, и Кристофер уже несколько дней готовился к этому разговору. Адам понимал это по тому, как отец передвигался по дому — слишком неторопливо, задерживаясь в дверных проёмах, ставя чашки с необычной осторожностью. Всё это были признаки того, что нечто надвигается.

Это случилось за завтраком.

— В понедельник пойдёшь, — сказал Кристофер, не отрывая взгляда от хлеба. — К фру Андерсен. В семь утра.

Адам отложил ложку.

— Не думаю, что это будет полезно, — сказал он.

Отец поднял глаза.

— Я уже прочёл всё, чему меня будут учить в первые два года, — продолжил Адам. Он не хвастался — это была просто правда, и ему казалось важным, чтобы отец располагал точными

сведениями. — Математика там — начальная арифметика. А я решаю дифференциальные уравнения. — Он нашёл университетский учебник в ящике с вещами, которые один рыбак привёз из Бергена. Он разбирал его уже четыре месяца. — Не думаю, что, сидя в той комнате, я узнаю хоть что-то, что мне нужно.

Кристофер отложил хлеб.

— Адам. — Голос его сделался очень тихим, и это было хуже, чем если бы он закричал. — Тебе шесть лет.

— Да.

— И ты думаешь, что знаешь лучше школы.

— Я думаю, что школа знает вещи, которые меня не интересуют, — осторожно сказал Адам. — Это не одно и то же.

Отец поднялся. Он был крупным мужчиной — кармёйская порода в третьем поколении, сложенный для зим и тяжёлых сетей, — и, встав в дверях кухни, он загородил большую часть утреннего света. Адам не дрогнул. Он усвоил, что вздрагивать — значит делать только хуже.

— То, что тебя интересует, тебя не прокормит, — сказал Кристофер. — Оно не построит тебе дом, не починит лодку, не найдёт тебе жену. То, что тебя интересует, живёт у тебя в голове, а голова не может жить без тела, которое ест.

Адам всерьёз обдумал это, потому что отец заслуживал серьёзного размышления.

— Ты прав, что мне надо есть, — сказал он. — Но, думаю, я могу и это, и при этом...

— В понедельник, — сказал отец. — В семь утра. К фру Андерсен.

Он вышел. Дверь не хлопнула — Кристофер никогда не хлопал дверьми; это тоже была форма самообладания, — но щеколда щёлкнула с той окончательностью, что означала: разговор окончен.

Адам ещё какое-то время сидел один на кухне. Снаружи море вело свой низкий, непрерывный спор с берегом.

Потом он встал, снял куртку с крючка у двери и вышел — через сад и лаз в изгороди, ускоряя шаг, как только оказался вне поля зрения отца, а затем, ступив на тропу через вересковую пустошь, побежал.

Он добежал до утёсов над гаванью и сел на самом краю, свесив ноги над сорокаметровым обрывом, а под ним лежала вся серая Атлантика. Ветер был резким и пах рассолом. Он просидел там три часа, разбирая то, что сказал отец.

Он не злился. Он понимал отца — понимал его, быть может, лучше, чем Кристофер понимал сам себя. Остров сделал Кристофера так же, как делал всё: для выносливости, для повторения, для долгого терпения времён года. Просить Кристофера вообразить мир за пределами того, к чему можно прикоснуться, было всё равно что просить лунный камень вообразить космос. Он слишком долго пролежал в земле.

В понедельник он явился к семи, потому что любая другая возможность была хуже. Он принёс собственные книги. Он сел в заднем ряду, положив на колени полагающийся учебник и спрятав под его обложкой контрабандный экземпляр «Краткой истории небесной механики». К среде фру Андерсен заметила и конфисковала книгу. Дома у Адама было ещё две таких же.

Он не был ребёнком, который сдаётся. Он был ребёнком, который находил другие пути.

Годы между шестью и семнадцатью прошли так, как проходит долгий эксперимент, чьи результаты накапливаются прежде, чем экспериментатор поймёт, к чему они ведут. Адам читал. Строил. Наблюдал. Спорил с учителями, с отцом, с общепринятой островной мудростью о том, для чего дана жизнь, что такое звёзды и почему лунный камень лежит в заповеднике, не исследованный никем из тех, кто мог бы его исследовать.

Осколок лунного камня он держал у себя на столе и разговаривал с ним так, как разговаривал со всем, что пытался понять: не так, будто тот мог ответить, а так, будто само проговаривание проясняло вопрос.

Каждое лето он возвращался в заповедник, садился рядом с монолитом и смотрел на него. Монолит не менялся никогда. Менялось то, что Адам в нём замечал.

Норвежскую геологию он выучил по учебнику, который отцу не удалось конфисковать. Астрофизику — по университетскому тексту, пронесённому внутри школьной хрестоматии. Он выяснил, чем лунный камень не был, — не гранитом, не базальтом, не какой-либо породой, свойственной этому краю или геологической эпохе, — прежде чем у него появилась хоть сколько-нибудь связная теория о том, чем он был.

В тринадцать он написал свою первую настоящую работу: рассуждение на шестнадцати страницах, не адресованное никому, под названием «О вероятном внеземном происхождении Кармёйского аномального образования». Он никуда её не отправил. Он держал её в конце четвёртой тетради и время от времени перечитывал, проверяя, какие части всё ещё держатся.

Держалось большинство.

Он готовился, понимал он, к чему-то. Он ещё не знал, чего это от него потребует. Он начинал понимать: чего бы это ни потребовало, это будет больше того, что мог дать Кармёй.

«...я уже знаю, чему меня там будут учить! — заявил он, и в его тонком голосе звучала убеждённость, не вязавшаяся с его возрастом. — За пределами этого городка ещё столько всего ждёт открытия!» Отец, человек, высеченный из того же гранита, что и сам остров, нахмурился, и на лице его застыла маска неодобрения. «Адам, ты должен получить образование! Это путь нашего народа, дорога к достойной жизни». — «Я могу получить его, только не в группе, — возразил Адам, сжав маленькие кулаки в вызове, и дух его восставал против оков традиции. — Я могу учиться, я буду учиться, но не в стенах, не у тех, кто препарирует мой ум!» Он убегал, спасаясь в дикие объятия острова, ища утешения в шёпоте ветров и тайнах камней. Он сопротивлялся и бунтовал, не желая покоряться тем, кто пытался указывать ему, как жить. Они смотрели на него сверху вниз, как на ребёнка, полагая, что их мнение для него важно и что они могут научить его лучшим способам жизни. Все считали, что мальчик не может знать лучше и что ему надо указывать, что делать. Он был словно крохотный Давид перед великаном Голиафом общественных ожиданий. Однако старейшины, хранители традиций, отмахивались от его протестов, считая его неспособным постичь сложность жизни и то, что для него действительно лучше. С непреклонной решимостью средневековых ремесленников они стремились слепить его, втиснуть в строгие нормы, установленные кармёйским обществом. Он смотрел на систему образования и понимал, что она ему не подходит. Даже если ему и придётся ходить в школу на острове, он не выучит там ничего, что его занимало бы. Ему не было дела до земледелия, рыболовства, шитья одежды и всего прочего, чему учили в школе. Большинству учеников тоже не было до этого дела, но они чувствовали, что иного пути в жизни у них нет. Адам знал, чего хочет, что ему нужно от жизни, и знал, как этого добиться, а школа счастья ему не принесла бы. Адаму не нравилось, когда его оценивают и заставляют изучать предметы лишь ради хороших отметок. Он знал, чего хочет, что ему нужно, и с почти пугающей ясностью понимал, что школа — это косное, удушающее заведение — никогда не сможет дать ему ничего из этого. Он жаждал счастья, радости, жаждал выйти за тесные границы островной жизни и с ясным взором знал, что найдёт его где-нибудь, когда-нибудь. Движимый ошибочной любовью и глубоко укоренённой приверженностью традиции, отец был полон решимости укротить непокорного сына, заставить его подчиниться. Он верил, с убеждёностью, передававшейся из поколения в поколение, что правильное образование и следование установленным нормам — вот ключи к надёжному и уважаемому будущему. Он верил, что, если сумеет заставить Адама ходить в школу и соблюдать все правила, то создаст сыну лучшую жизнь. Отец хотел, чтобы сын стал уважаемым членом общины, зарабатывал на жизнь, построил дом, завёл семью и продолжил тот круговорот жизни, что поддерживал Кармёй веками. Он не мог и не желал понять устремлений сына к чему-то большему, к тому, что выходило за тесные пределы их островного существования. Адам сопротивлялся, но у отца была железная рука, и он умел

заставить сына покориться. Воля отца была так же неподатлива, как гранитные утёсы, тянувшиеся вдоль берега. Он прибегал к жёстким методам, сбивая биологические ритмы и подавляя инстинкты, надеясь сломить его дух, пытаясь втиснуть его в заведённый порядок. Причиняя неудобство и делая всё возможное, чтобы сыну было не по себе, он надеялся, что в какой-то момент Адам привыкнет к системе и впишется в школьную среду. С трагической иронией он полагал, что готовит сына к суровым реалиям жизни. И потому убежищем Адама стал дикий лес, нетронутая сердцевина острова. Одним из любимых его занятий в Скуденесхавне было погружение в природу. Он часто гулял вдоль побережья, исследуя окрестности. Адам любил карабкаться по скалам и бродить по лесам, что тянулись вдоль берега. Его дом был окружён зелёными лесами, озёрами и вересковыми пустошами, а неподалёку лежали одни из красивейших пляжей Норвегии. Он наслаждался чудесными видами, где крыши городка едва проглядывали среди деревьев, а вдали мерцал океан, озаряя горизонты. Он обошёл каждый уголок, каждую скрытую долину и каждую обдуваемую ветрами вершину. Он знал, где лучшие земли, тайные места, где дикие кошки приносят потомство, укромные рощи, где растут сладчайшие ягоды. Он часто исчезал на много часов, спасаясь от душливых стен своего дома, от неотступного давления, требовавшего покорности, находя приют в объятиях природы, питаясь дикими плодами и ягодами, изучая замысловатый танец жизни, разворачивавшийся вокруг. Он подмечал, какие растения несъедобны, а какие хороши лишь в определённое время года. Это был общий язык растений, тайны животных, ритмы времён года — знание, рождённое из наблюдения, интуиции, глубокой, почти мистической связи с природой острова. Адам исходил остров вдоль и поперёк, наслаждаясь живописными видами, карабкаясь по скалам. Его маленькие ладони ощущали шершавые, обветренные поверхности, и он пересекал остров, наслаждаясь захватывающим духом зимы. Он ходил в Авальдснес, соседний городок, полями и вдоль изрезанного побережья, чтобы вдохнуть ветра свободы. Он останавливался полюбоваться видом океана — мерцающей синей ширью, что простиралась до горизонта, — и полакомиться дикой черникой, росшей в изобилии, чей сладкий сок пятнал ему пальцы и губы. Сквозь деревья открывался прекрасный вид на океан, и порой он натёкался на кусты черники, что оставляли часть своих ягод у самого основания — ему на радость. Адам научился читать настроения моря, пытаясь угадать, сколько ещё до прилива, предсказывать отливы и приливы, наблюдая за морской жизнью на отмелях: за крабами, ползущими по песку, чьи замысловатые движения завораживали его юный ум. С любопытством он изучал побережье и ждал, когда морские твари выйдут на берег. Но всякий раз, когда он приносил домой одно из этих очаровательных созданий, отец его варил и съедал. Это было суровым отражением жестоких реалий островной жизни, столкновением растущей любознательности Адама с прагматичными нуждами выживания. Адам любил играть, размышлять, теряться в неподдельном изумлении перед миром природы. Играл Адам и в заповеднике, и однажды...

Адаму было шесть лет в тот день, когда его жизнь раскололась надвое.

Он сбежал из дома после обеда, пока отец возился с козами, — нырнул в лаз в изгороди и побежал к заповеднику с той бесцельной радостью ребёнка, у которого нет и не нужно никакого направления. Заповедник был его любимым местом на острове — не из-за павильона, что нагонял на него скуку, и не из-за вида на море, а из-за лунного камня.

Он наблюдал за ним уже несколько недель. С осторожного расстояния — так, как наблюдал за крабами на отмелях: терпеливо, неподвижно, всё подмечая. Камень был не похож ни на что другое на Кармёе. Он не принадлежал к островному языку гладкого гранита и вылизанного солью базальта. Он был грубым, бледным и весь изрыт кратерами, поверхность его была изъедена, точно что-то раз за разом било по ней изнутри.

Другие дети его избегали. Слишком скучный, слишком тяжёлый, слишком похожий на надгробие. Адам обходил его кругом всякий раз, как приходил в заповедник, с каждым разом чуть ближе.

В тот день он решил, что готов.

Он взбирался методично, отыскивая опоры, проверяя вес, прежде чем на него положить. Камень был тёплым так, как день не мог объяснить: небо затянуло тучами, и ветер с моря был зубастым, но лунный камень хранил тепло, что, казалось, исходило откуда-то изнутри него самого.

Он добрался до вершины. Высота была невелика — едва два метра, — но оттуда он видел павильон, пляж и серую Атлантику, что тянулась до горизонта. Он выпрямился.

А потом прижал ладонь к самой высокой точке камня.

То, что случилось потом, не было ни вспышкой, ни ударом грома. Это было тише и страннее. Словно отворилась дверь — не перед ним, а внутри него, дверь, о существовании которой он не знал, ведущая в комнату, о существовании которой он не подозревал. И в этой комнате — всё.

Он понял в тот же миг: что камень под его ладонью старше острова, на котором лежит. Что он проделал путь, чтобы добраться до него. Что он не целый — что он осколок чего-то несравненно большего, и что это большее всё ещё где-то там, рассеянное, ждущее. Он понял, что звёзды, которые он изучал каждую ночь с крыши, не неподвижны — что они движутся, тянут друг друга, рождаются, гибнут и рождаются вновь в круговороте столь медленном, что вся история Кармёя рядом с ним казалась одним ударом сердца.

Он понял, что у него есть предназначение.

Он сел на лунный камень, потому что ноги стали ненадёжны. Ему было шесть лет, руки его дрожали, а глаза были полны света, который не был светом затянутого тучами неба.

Спустя какое-то время он спустился. Он стоял на расчищенной земле заповедника и оглядывался на камень. Тот ничего не давал ему в ответ.

Он подобрал осколок, отколовшийся от основания, — кусок не больше кулака — и сунул в карман куртки. Он унесёт его домой. Он будет его изучать. Он выучит его язык.

По дороге к отцовскому дому он прошёл мимо гавани. Рыбачьи лодки возвращались, осев в воде под тяжестью улова, и мужчины на причале перекрикивались на том лёгком, бессловесном языке людей, что каждый день своей жизни делают одно и то же. Адам смотрел на них и чувствовал нечто, чему не мог дать имени, — не презрение, не жалость, что-то ближе к головокружению.

Они не знали. Никто из них не знал.

Он крепче сжал в кармане осколок лунного камня и пошёл домой. У него были опыты, которые предстояло начать.

Лунный камень привлёк его внимание. Ему было шесть лет, когда, играя в заповеднике, он взобрался на лунный камень — загадочный монолит, вздымавшийся из пейзажа. Он коснулся его грубой, пыльной поверхности, и в тот же миг сознание его сдвинулось, ум расширился, восприятие переменялось так, как он ещё не мог осмыслить. Прикосновение к камню дало ему силу мысли и небывалые способности. Словно сам камень высек в нём искру, пробудив дремлющую силу, скрытый потенциал. Он открыл в себе необычайный дар — интуитивный разум, превосходивший простое эмпирическое знание, дар, что позволял ему видеть за завесой обыденного, постигать сокрытые истины вселенной. Он мог отличать правду от лжи с почти тревожащей ясностью и понимал природу интуитивным чутьём, не вязавшимся с его возрастом. Он мог предсказывать будущее и, что удивительнее всего, постигать невозможное — как одно семя может вырасти в могучее дерево, а буря — родиться из единого порыва ветра; как гром, зарождающийся в тени туч, готов грянуть в любой миг. Он оглядывался — на землю под ногами, на растения и животных, что благоденствовали в этом южном уголке мира, — и чувствовал глубокую любовь, кровное родство с самой сутью жизни. С поразившей его ясностью он осознал, что в, казалось бы, будничной почве, камнях и песке столько науки, столько чуда. Он жаждал понять состав пород, процессы выветривания, из которых рождается песок,

элементы и минералы, что наделяют землю её живой энергией. Он хотел стать геологом, хотя ещё не знал, как назвать эту зарождающуюся страсть. Он чувствовал с почти сокрушительной уверенностью, что способен что-то изменить, что может обратить своё новообретённое знание на благо острова, сделать столько добра и раскрыть тайны земли. Адам смотрел на лунный камень, этот загадочный монолит, где началось преображение, и пытался понять его силу, его влияние, но встречал лишь молчание, глубокую, непроницаемую тайну. Это был просто камень, но он изменил его — необратимо, до самой глубины. Потом он поднял взгляд к небу — к безбрежной шире, усыпанной мерцающими звёздами, простиравшейся за пределы человеческого разума. Вид бесконечного пространства пленил его ум, и лунный камень, точно ключ к неведомому, зажёл в нём новую, ещё более дерзкую мечту. С ясностью, что бросала вызов логике, он увидел, что есть другие планеты, другие миры — обитатели неведомых форм жизни. Существа, подобные ему, но за пределами его понимания, что могли бы учить его, наставлять и раздвигать его горизонты ещё шире. Адам был заморожен ночным небом. Всё чаще он ложился на спину на заднем дворе и смотрел на звёзды, и воображение его парило среди далёких галактик. Однажды ночью, лёжа на крыше и глядя на мерцающие звёзды, он ощутил странное чувство. Словно сама вселенная нашептывала ему, открывая сокрытую истину. Он мог сказать, что есть планеты, такие же, как та, на которой он жил, и на них будут люди, такие же, как он. У них будет знание, которого он не знал, и они смогут научить его тому, чего он не ведал. Он чувствовал, как мечта его взмывает к новым высотам. Адам хотел большего, чем просто строить небесные тела. Адам мечтал открыть космическую гравитацию и другие звёзды. И с возрастом его увлечённость космосом обернётся одержимостью. Он мог не просто строить небесные тела — он мог творить жизнь на других звёздах, мог устроить самозарождение бытия — подвиг, что никогда прежде не был совершён, вызов, что нашёл ответ в самой сути его существа. Совсем как когда он играл на пляже, только грандиознее! Нечто, чего никогда прежде не бывало во всей вселенной. Он хотел стать космическим инженером. Мечтой его было дотянуться до звёзд, преодолев пределы земного света. Он овладеет силой космической мощи, станет космическим инженером, творцом миров, творцом жизни. Он воображал, что небеса над ним — больше, чем карта созвездий. В его воображении звёзды складывались в живую, пульсирующую картину, в динамичный, слаженный узор небесных тел, каждое из которых движется своим путём, вплетая историю вселенной. Все звёзды во вселенной влияют друг на друга, притягиваясь и отталкиваясь снова и снова. Каждая сверкающая точка ночного неба могла быть миром для миллионов удивительных созданий. Он представлял себе, какое разнообразие жизни могло существовать на всех этих звёздах по ту сторону вселенной, населённых сотнями отдельных существ на своём крохотном острове. Он видел карту неба, живое, светящееся отображение вселенной, показывавшее волшебные звёзды, их движение, взаимодействие и судьбу. С интуитивным пониманием, не вязавшимся с его возрастом, он осознал, что эти звёзды смотрят друг на друга, тянут и толкают, и их гравитационные силы скованы в вечном танце. Он видел, как одни звёзды мерцают, отражая свет и открывая целые вселенные. Порой, когда их энергия рассеивается, наступает миг смерти и возрождения. Он чувствовал, как жизнь проявляется в бессчётных формах, расцветая на далёких мирах, и каждая планета — уникальное прибежище бытия, что превосходило самые смелые его фантазии. «Моя звезда — надёжное солнце, крепкая звезда, очаг, колыбель жизни», — думал он. Он смотрел, как мерцают одни звёзды, зная, что некоторые из них погибнут, высвободив колоссальную энергию, а другие столкнутся, породив новую вспышку света, — так же как лунный камень перед ним был некогда отброшен могучими силами. С интуицией, не вязавшейся с его возрастом, он понимал, что космические силы, гравитационный танец планет и звёзд, в конечном счёте благотворны для жизни, что хрупкое равновесие небес необходимо, чтобы бытие могло цвести. Он видел, что катастрофические столкновения небесных тел способны нарушить это равновесие, превратив яркие звёзды в блуждающие кометы, угрожая хрупкому порядку вселенной. Он

осознал, что и в нашей солнечной системе, и за её пределами есть другие планеты, уязвимые миры, нарастающие разрушительные силы метеоритов. С растущим чувством неотложности он понял, что эти небесные тела несут в себе возможную пользу, но уязвимы, что им угрожают хаотические силы вселенной, астероиды и блуждающие кометы, несущиеся сквозь пустоту. Ему нужно было понять эти силы, овладеть ими, защитить эти хрупкие миры от гибели. Он хотел быть не просто наблюдателем, но хранителем жизни и защитником космического равновесия. Чтобы застраховаться от падения лунных камней и разрушений, что они могли причинить, Адам знал: ему нужно более глубокое понимание солнечной системы, знание, что выходило за пределы того, чем ограничивались его невооружённый глаз и примитивный телескоп. С неустанным прилежанием средневекового монаха, изучающего священную рукопись, он принялся составлять карты небес — сначала чертя их палкой по песку, а затем перенося на драгоценные клочки бумаги, создавая свою личную космографию. Космические силы неизменно влияют на жизнь, воздействуя на её развитие и равновесие. Важно, чтобы небесные тела оставались в устойчивом состоянии, ибо их движение, излучение и взаимодействие создают условия, необходимые для существования миров. Ради безопасности солнечной системы, ради сохранения самой жизни Адам знал, что должен укрепить пояс астероидов — небесную преграду, что оберегает планеты от хаоса блуждающих камней-изгоев. Он мечтал об этом всякий раз, глядя на ночное небо, чувствуя себя крохотной частицей в необъятной вселенной и в то же время сознавая своё великое предназначение. Задача казалась огромной, почти невыполнимой, но в сердце его жила убеждённость: он, и только он, способен сохранить равновесие небесных сфер. Несмотря на отрезанность и огромное давление, Адам ощущал глубокое чувство предназначения. Он знал, что может стать избранным хранителем солнечной системы, тем, кто защитит равновесие небесных тел. Казалось, никому больше нет дела до этой хрупкости равновесия, до возможности космических катастроф, но он, Адам, должен был обеспечить его устойчивость. Говоря его же словами, он был защитником вселенной, единственным, кто по-настоящему ценил красоту и потенциал, сокрытые в устройстве мироздания.

Ему было девять лет в ту ночь, когда с ним заговорил голос.

Он забирался на крышу уже год — с тех пор как обнаружил, что дымоход на северной стороне даёт идеальную опору для ноги. Он дожидался, пока отец уснёт, тихонько приоткрывал окно и карабкался, осторожно ступая по замшелой черепице, к коньку, где мог сесть, прислонившись спиной к трубе, и видеть всё небо целиком.

Небо над Кармеем в ясные ночи было необыкновенным. Звёзды спускались низко и густо и отражались в море внизу, так что сидел ты между двумя ликами одной и той же тьмы, а остров, казалось, парил между ними, точно затаённый вдох.

Он картографировал один и тот же участок неба уже одиннадцать месяцев. Он нашёл семь ошибок в популярной звёздной карте, которую фру Андерсен приколола к стене классной комнаты. Он написал в университет в Бергене. Ему не ответили.

Сегодня он не картографировал. Он сидел с закрытой тетрадью и смотрел на небо, ничем не заслонённое, и чувствовал ту особую одинокость человека, который единственный из всех, кого он знал, видел то, что видел он, поднимая взгляд.

Все остальные смотрели и видели украшение. Красоту, может быть, или средство навигации. Они не видели того, что видел он: систему под напряжением. Звёзды, догорающие к собственному концу, пока ближайшие их соседи дрейфуют, безразличные к равновесию. Пояс астероидов, тонкий и недостаточный. Мёртвые миры.

Он ощущал этот груз физическим давлением, словно небо легло ему на грудь.

— Хотя что-то из этого настоящее? — сказал он вслух.

Ему было девять лет, и он был один на крыше в темноте. Ответ пришёл изнутри него — так он и понял, что это не воображение.

Это была мысль, что не принадлежала ему, приходящая с той властью, какая бывает у чего-то, что существует очень давно.

«Всё это настоящее, — сказал голос. — Всё до последнего. Больше, чем ты пока можешь видеть».

Он не запаниковал. Он вслушался — так, как вслушивался во всё, что стоило понять.

«Ты боишься, что ты в этом один. Ты не один. Но работа ещё долго будет казаться такой».

— Что за работа? — спросил он.

«Ты уже знаешь. Ты знаешь с тех пор, как коснулся камня».

А потом всё исчезло — не растаяло, а просто перестало быть.

Адам долго сидел на крыше. Он решил, что разница между настоящим, болезненным и чем-то ещё значит не так много, как принято полагать. Послание оставалось тем же, кто бы ни был вестником.

Он открыл тетрадь и написал: «Сегодня ночью я нечто услышал. Я не уверен, что я услышал. Я всё равно продолжу».

Он дважды подчеркнул написанное и спустился обратно.

С той ночи чувство одиночества его не покидало — голос был на этот счёт честен, — но оно переменялось по природе. Оно стало не столько отрезанностью, сколько одиночеством того, кто вышел в долгий путь очень рано, пока все, кого он знает, ещё спят.

С этим он мог жить.

* * *

Обеспокоенная его нестандартным поведением, учительница Адама послала записку Кристоферу, и тот привёл Адама к пастору Эрикссону в церковь святого Олафа.

Кабинет пастора Эрикссона был интереснее самой церкви — ботаника, навигация, скандинавская геология и небольшая книга в кожаном переплёте, на корешке которой выцветшими золотыми буквами значилось: «О строении звёзд». Взгляд Адама то и дело возвращался к ней.

Пастор проследил за его взглядом.

— Можешь взять почитать, — сказал он, — если разговор пойдёт хорошо.

Глаза у него были бледно-голубые, цвета морского льда, — не суровые, но чрезвычайно внимательные.

— Твоя учительница говорит, что у тебя есть мнения насчёт школы, — сказал он.

— Моя учительница велит мне заучивать наизусть, — ответил Адам. — Это не то же самое, что учиться.

— Не то же, — согласился пастор. — Это верно. Чему ты хочешь научиться?

— Всему про лунный камень, — сказал Адам. — А потом — всему остальному.

Он рассказал пастору о лунном камне — о мгновении прикосновения и о том, что оно с ним сделало, об опытах у себя в комнате, о звёздных картах на клочках бумаги. Пастор слушал не перебивая.

— Что значит для тебя лунный камень? — спросил пастор, когда Адам закончил.

— Это запись, — сказал он. — Как книга, только из камня. Когда-то он был чем-то другим — чем-то гораздо большим, пылающим, живым по-иному, — а потом попал сюда и с тех пор ждёт. Большинство проходит мимо и видит камень. Но это не камень. Это послание. От чего-то, что умерло. К чему-то, что ещё не поняло, что оно такое.

Пастор долго молчал.

— В древних текстах, — сказал он, — есть понятие. *Dominus stellarum*. Хранитель звёзд. Тот, чьё дело — не поклонение и не завоевание, а попечение. Уход за вещами. Починка того, что сломалось. — Он посмотрел на Адама. — Не думаю, что ты нечестив. Думаю, ты смотришь на то же небо, что и все мы, и видишь то, на что все мы решили не смотреть.

Адам почувствовал, как в груди у него что-то отпустило, и опустил взгляд на свои руки, чтобы пастор этого не увидел.

— Можно взять книгу? — сказал он.

Пастор вложил «О строении звёзд» ему в руки. Она была тяжелее, чем казалась.

— Возвращайся, когда дочитаешь, — сказал он. — У меня есть вопросы, которые мне хотелось бы тебе задать.

Кристофер шёл домой с сыном в непривычном молчании. У калитки он остановился.

— Он считает тебя одарённым, — сказал Кристофер. Это был голос человека, свыкающегося с фактом, которого он надеялся избежать.

— Я знаю, — сказал Адам. И пошёл в дом читать.

Позже, в разговоре с отцом Адама, пастор сказал с ноткой веселья в голосе: «Адам не похож на других детей, нет, сударь. Он витает в облаках, грезит о далёких галактиках и звёздах, и пока в этом нет ничего дурного». Обсуждая своеобразный взгляд Адама на мир, отец вспомнил, что говаривала его бабушка: «Этот мальчишка так высоко задирает голову, что того и гляди споткнётся!» Они посмеялись вместе, признавая чужаковатость возвышенных устремлений Адама, и условились поддерживать связь, чтобы следить за тем, как Адам продвигается к своим небесным целям. Адам, воодушевлённый божественной встречей и мягкой поддержкой пастора, удвоил усилия. Ему нужны были образцы; он знал, что сам лунный камень пришёл с небес, откуда-то из этой галактики. Он понимал, что это осколок более крупного тела, и начал обдумывать, как собрать минеральную породу заново и вызвать её последующую кристаллизацию. Если бы только он мог отыскать другие части, он сложил бы их, как головоломку. Другие лунные камни, вероятно, упали где-то ещё — скорее всего, на других островах, — но на этом острове был лишь один, а значит, чтобы найти прочие, ему нужно было покинуть Кармэй. Он никогда прежде этого не делал, но ему нужно было увидеть больше вещества и понять разницу между метеоритами и астероидами, если он собирался найти способ предотвращать опасные столкновения в космосе. Адаму нужно было научиться отличать метеориты от астероидов, а затем восстанавливать упавшие астероиды. Если бы он мог отыскать другие куски, другие осколки этого утраченного небесного тела, он собрал бы их, как космическую головоломку, в первоначальную форму, раскрыв тайны, хранимые на его кристаллической стадии. Он верил, что может восстанавливать звёзды из метеоритных осколков и давать им вторую жизнь. Он видел себя в будущем, где упавшие астероиды можно вернуть на их законные места в небесах, восстановить разбитые звёзды, дать им вторую жизнь — космическое воскрешение. Он рассуждал, что другие лунные камни, другие осколки этой разбитой звезды, должны были упасть в других местах — быть может, на других островах, — рассеянные по земному шару капризной рукой судьбы. Но на Кармее был лишь один — одинокий маяк, указывающий путь к его предназначению. Ему нужно было увидеть больше, узнать больше, расширить своё понимание космоса. Ему нужно было научиться различать метеоры и астероиды, понять их состав, их траектории, их потенциал и к созиданию, и к разрушению. Он должен был овладеть научным исследованием, чтобы достичь своей главной цели: предотвращать опасные катастрофы в космосе, оберегать хрупкое равновесие солнечной системы. Это грандиозное видение, эти дерзкие устремления наполняли его глубоким чувством неотложности и пьянящим ощущением предназначения. Он, Адам, был отягощён славным предназначением, судьбой, которую никто больше на планете не мог даже постичь. Он был избранным, самопровозглашённым хранителем солнечной системы, защитником всего живого — и известного, и неведомого. Ему предстояло восстановить разбитые небесные тела, используя метеоритные осколки как строительные кирпичи, отстроить заново то, что было сломано, привести порядок в хаос космоса. Смиренно сознавая пределы своих возможностей, он понимал, что он — крохотное, ничтожное пятнышко в необъятности вселенной, всего лишь смертный перед задачей неохватного масштаба. Он понимал, что попросту слишком мал, слишком неопытен, чтобы в одиночку осуществить свой великий замысел. Ему предстояло столько узнать, столько освоить, прежде чем он смог бы хотя бы начать постигать размах затеянного им дела. Он превратит клочок камня в

космосе, бесплодные пустоши — в живые обители, кишашие жизнью, — подвиг космической инженерии, что превзошёл бы все достижения цивилизации. Ему предстояло столько понять, столько научных трудов освоить, прежде чем он смог бы хотя бы вообразить подобное начинание. И, что, быть может, важнее всего, ему нужно было определить, какие планеты, какие небесные тела пригодны для этого великого опыта, какие миры обладают потенциалом поддерживать жизнь. Он бережно собирал осколки лунного камня, аккуратно хранил их дома, превратив свою тесную комнату в самодельную лабораторию, святилище научного поиска. Он внимательно наблюдал за ними, изучал различные воздействия, испытывал их свойства, следил за реакциями, пытаясь разгадать их тайны, понять суть их существования. Он хотел быть уверен, совершенно уверен, что понимает эту единственную осязаемую часть космоса, прежде чем осмелится вмешиваться в неведомые области развития вселенной. Адам знал, что он — крохотная, ничтожная точка во вселенной, и знал, что попросту слишком мал, чтобы сделать то, что ему предстояло. Ему предстояло столько сделать, чтобы хотя бы начать понимать размах затеянного им дела. Он собирался превратить мёртвый камень в космосе в обитель для живых, дышащих созданий. Ему предстояло столько понять, прежде чем он смог бы хотя бы вообразить подобное начинание. И, не в последнюю очередь, его задачей было определить, какая планета идеально подойдёт для того, чтобы даровать жизнь. Однажды, поклялся он, он соберёт все разбитые звёзды — рассеянные останки небесных тел, что бесцельно дрейфуют сквозь пустоту, — и вернёт их на законные места, восстановив гармонию небес. Он вернёт каждую раздробленную звезду, каждый блуждающий осколок и приведёт их туда, где им положено быть. Он позаботится о том, чтобы солнечные системы содержались в порядке, чтобы жизнь на всех планетах — и известных, и ещё не открытых — цвела, защищённая от хаоса космоса. Он вглядывался в ночное небо, и глаза его были полны изумления и решимости; он видел вселенную такой, какой она могла бы быть, — царством совершенного порядка, приютом для бессчётных цивилизаций, свидетельством того, за чем он наблюдал в своём внешнем управлении. Он видел место, кишашее жизнью, планету с разнообразными экосистемами, цивилизации, что восстают и рушатся, развиваются, приспособляются и процветают под его бдительным оком. Он станет силой добра, вершителем справедливости в несправедливой вселенной, восстановителем равновесия в хаотичном танце небесных тел. Адам, самопровозглашённый космический инженер, хранитель солнечной системы, стоял там — маленький мальчик под равнодушным звёздным небом — и чувствовал, как груз его судьбы опускается на его юные плечи, бремя его славного предназначения, которое он понесёт с тихим упорством, со страстью, что горела ярче любой звезды. Он был готов — или, во всяком случае, хотел начать своё великое космическое приключение. Он принялся ставить собственные опыты, превратив тесную спальню в хаотичную лабораторию. Он смастерил самодельный телескоп из добытых где-то линз и картонных трубок и проводил бессчётные ночи, вглядываясь, картографируя движения созвездий и планет, тщательно занося наблюдения в потёртый журнал в кожаном переплёте. Он собирал камни и минералы по всему острову, анализируя их состав и строение, пытаясь разгадать тайны, сокрытые в их кристаллических решётках. Он даже пытался построить модель генератора магнитного поля из медной проволоки от старых радиоприёмников и батарей, украденных с рыбацкой лодки отца, — свидетельство его изобретательности и безоглядной преданности делу. Адам взял несколько образцов лунного камня и держал их дома, тщательно изучая, испытывая в разных условиях, чтобы увидеть, как они себя поведут. Он хотел убедиться, что способен понять единственный камень, к которому имел доступ, прежде чем попытается помочь сотням других где-то там. Адам вглядывался в небо, размышляя, как будет выглядеть вселенная, когда он завершит своё дело. Он создаст место, что станет домом для великого множества, с планетами, полными и кишашими всевозможными формами жизни. Он будет смотреть, как их цивилизации вырастают из ничего и становятся целыми империями. Он будет творить добро, устанавливая справедливость в несправедливой вселенной и, главное,

устанавливая равновесие в мироздании. Он позаботится о том, чтобы системы были в добром здравии, а жизнь на всех планетах продолжалась так, как ей и положено. Отец, человек, привыкший к практическим реалиям земледелия, наблюдал за всеми чудаковатыми занятиями сына со смесью недоумения и тревоги. Он видел страсть Адама, его непреклонное упорство, но ему трудно было принять, что мальчик тянется к чему-то неосозаемому, по причинам, не связанным с осязаемым делом выживания. Он тревожился, что голова Адама слишком полна грёз, слишком далека от настоящей жизни на Кармее. Одним пасмурным днём, когда снаружи выл ветер и волны разбивались о каменистый берег, Кристофер не выдержал и возразил. Он подошёл к сыну, который в очередной раз был поглощён своими камнями.

— Адам, — начал он, и голос его был хриплым от морского воздуха и долгих лет тяжкого труда, — эти звёзды, эти камни... не наполнят твою жизнь и не залатают твоих сетей. Ты должен сосредоточиться на насущном, освоить ремесло, обеспечить себе будущее здесь, на Кармее.

Адам слушал внимательно, но мысли его уже неслись дальше — за пределы острова, сквозь бескрайнюю ширь вселенной. Он должен был понять её и защитить. Кармей был лишь отправной точкой. Истинное знание ждало его за его пределами: в университетах, обсерваториях и лабораториях, где раскрываются тайны вселенной. Его призвание было не в сетях и полях, а там, где рождаются звёзды. Ему нужно было найти наставников, получить доступ к средствам, которых не было на этом отрезанном от мира клочке земли. Ему нужно было выйти за пределы привычного, чтобы обрести истинное знание, что помогло бы ему исполнить своё предназначение. Адам, не отрывая глаз от подвижных узоров на кварцевом кристалле, что держал в руке, ответил со спокойной серьёзностью, не вязавшейся с его возрастом:

— Отец, я понимаю твои тревоги, но моё будущее зависит не только от Кармея, но и от его связи с космическими пространствами. Мне суждено не только рыбачить и пахать. Я должен понять вселенную и защитить её.

Отец устал от этого порабощения. Ему хотелось возразить, объяснить, что жизнь на Кармее — не бремя, а естественный порядок вещей, что именно здесь его корни. Он знал, что не сможет сломить дух сына, не сможет погасить огонь, что горел в нём. Он мог лишь надеяться, что грёзы Адама не заведут его слишком далеко, что он найдёт способ примирить свои небесные устремления с требованиями земного существования. Несмотря на тревоги отца, Адам продолжал учиться и исследовать, неустанно тянясь к знанию. Он знал, что должен покинуть Кармей, чтобы найти наставников, получить доступ к средствам, недоступным на отрезанном от мира острове. Он слышал, что в университетах, обсерваториях и лабораториях, оснащённых передовым оборудованием, есть места, где он мог бы по-настоящему раскрыть свой потенциал. Кармей, что некогда был для него целым миром, теперь казался золочёной клеткой, и сама его красота стала лишь напоминанием об огромной вселенной за его берегами. Адам жаждал знания, которого не могли дать ни маленькая школа, ни скудные средства острова. Он уже прочёл все книги по астрономии, геологии и физике, какие только смог найти, нередко тайком привозя их с материка; жажда знания была неутолима. Страницы, испещрённые уравнениями и схемами, становились для него вратами в иные миры, питая его грёзы о космической инженерии.

Ему было семнадцать, когда он уехал.

Решение не было внезапным — в Адаме вообще не было ничего внезапного, — но время оказалось внезапным. Пришло письмо из Бергенского университета. Профессор Хальворсен, астрофизик, предлагал ему место неофициального научного помощника. Без жалованья. Без звания. Лишь доступ к библиотеке, большей, чем всё, что было на Кармее, к работающему телескопу и к людям, что, быть может, поймут, что он пытается сделать.

Он сказал отцу за ужином. Он положил письмо на стол и стал ждать.

Кристофер прочёл его дважды. Потом:

— Когда?

— Паром в четверг. Я поеду утренним.

— А потом?

— Буду присылать деньги, когда смогу. Буду писать. Когда я пойму, что строю, — когда смогу это объяснить, — я объясню тебе. — Он помолчал. — Думаю, то, что я строю, будет важно. Но здесь я этого построить не могу.

Кристофер молчал. Снаружи ветер играл щеколдой калитки на свой обычный лад — звук, который Адам слышал каждую ночь своей жизни.

— Твой дед хотел уехать, — сказал наконец Кристофер. — Ему было двадцать. Он хотел в Осло. Стать инженером. Он остался. Рыбачил. Построил этот дом. — Он обвёл взглядом кухню. — Это была хорошая жизнь.

— Я знаю, — сказал Адам.

— Но не твоя жизнь.

— Не моя.

Тогда Кристофер поднялся и сказал, не оборачиваясь:

— Утро в четверг раннее. Собирайся-ка сегодня.

На паром он не пришёл.

Адам нёс одну сумку: три смены одежды, свои одиннадцать тетрадей — с потрескавшимися корешками, со страницами, плотно исписанными наблюдениями и догадками, — осколок лунного камня, завернутый в тряпицу, и тот экземпляр «О строении звёзд», что пастор Эрикссон дал ему семь лет назад и так и не попросил вернуть.

Он стоял на палубе, пока паром отходил, и смотрел, как Кармёй уменьшается.

Он ожидал, что не почувствует ничего. Он ошибался. То, что он почувствовал, было горем, о котором он не подозревал, — плотным и определённым, тем, что он будет носить в себе, не всегда сознавая его тяжесть. Остров был маленьким и упрямым и сделал всё возможное, чтобы вылепить из него то, чем он не был. И это был единственный дом, что у него когда-либо был, и он был прекрасен, и где-то на нём был его отец — вероятно, уже вернувшийся к работе, отказавшийся смотреть, как уходит паром.

Он смотрел, пока лунный камень не остался последним, что он мог различить на берегу, — тем бледным мазком камня в заповеднике, ловившим утренний свет. Потом надвинулись тучи, остров исчез, и осталось лишь море.

Он спустился вниз, открыл свою новую тетрадь на первой чистой странице и написал дату.

Потом: «День первый. Берген. Надо с чего-то начать».

Он дважды подчеркнул написанное — старая привычка — и начал.

СТРОИТЕЛИ КОСМОСА

С юных лет увлечённость Адама миром природы зажгла в нём пламя, что ярко горело всю его жизнь. Он проглатывал каждую книгу, какую только мог найти, впитывая научные понятия и теории с жадой понимания. Он поглощал книги так, как другие дети поглощают сладости, и каждое научное понятие, каждая теория становились кирпичиком в непрестанно растущем мире его разумения. Вместо того чтобы видеть в отдыхе возможность расслабиться, Адам видел в нём случай, украденный миг, чтобы глубже погрузиться в тайны, пульсирующие под кожей реальности, пробудить новые, дерзкие возможности в отголосках своего ума, расширить своё знание и освободить место для смелых, новаторских идей. Адам Суннхордвик, смыслённый юноша, пленённый космосом, чья судьба несла на себе груз тысячи звёзд, неизбежно привлекал внимание. Излучая почти нездешнее сияние, он естественным образом собирал вокруг себя круг друзей, каждый из которых отражал особую грань его собственного лучезарного духа. Провидец, тот, кто видел закономерности в кружащемся хаосе космоса, вдруг до самой сердцевины осознал, что ключ дремлет в нём самом — спящий исполин, ждущий прикосновения пробуждения. Ему предстояло встретиться лицом к лицу с призраками собственных сомнений, спуститься в колодец своих страхов, чтобы высвободить подлинный потенциал, пульсировавший у него в груди, точно второе сердце. Среди ближайших его товарищей была Сольвейг — блестящий ум с пристрастием к созерцанию звёзд. Прагматичная провидица, она обладала умом, точно тонко настроенным инструментом, способным расшифровывать небесную музыку сфер. Ещё был Итан, неутомимый изобретатель, чьи руки вечно чесались строить, творить и превращать сырьё вселенной в нечто новое и чудесное. Он был любителем всяческих приспособлений и хитроумных устройств, и страсть его была тлеющим угольком, грозившим поглотить их всех. Миа, мечтательница, видела не только холодные, далёкие звёзды, но и мерцающую ткань волшебства, вплетённую в само полотно ночи. Захваченная бурными течениями между противоборствующими силами, она сокрушалась голосом, окрашенным меланхолией утраченных иллюзий: «Мы не можем просто отказаться от наших грёз, венпен, но не можем и не замечать леденящего дыхания бездны». И, наконец, Даниэль, любитель вычислений, что щёлкал цифры быстрее, чем белка орехи. Вычислительный вундеркинд, он обладал умом, точно гудящий двигатель, способным обрабатывать бесконечную сложность космоса. Вместе они составляли отряд бесстрашных исследователей, связанных общей жадой открытий и готовностью отважно устремляться в неизведанные глубины неведомого, к тайнам космоса. И так, в сумрачных коридорах средней школы Скуденесхавна, где стены хранили эхо забытых грёз, ковались дружбы и рождались мечты. Судьбы их переплетались, как далёкие звёзды, чьи тайны они так страстно стремились постичь. Средняя школа была унылым местом, средоточием однообразных лекций и рутинных заданий. Но именно здесь, окутанное тёмной пеленой тайны, началось их волшебное странствие в вечность. Одним судьбоносным вечером, когда они собрались в местной обсерватории, их жизни приняли неожиданный оборот. Сольвейг настраивала телескоп, и отблеск далёких звёзд отражался в её глазах.

— Адам, ты когда-нибудь думал, что мы могли бы не просто наблюдать за звёздами? — спросила она.

Адам, вечный мечтатель, ответил:

— А что, если бы мы могли не только понять космос, но и придать ему форму?

Итан заинтересовался:

— Ты о том, чтобы, например, создать звезду?

Адам кивнул, и в уголках его губ заиграла улыбка.

— Представь, что мы обуздали силу звёзд, воссоздали их суть. Мысль безумная, но что, если это возможно?

Их поиск начался с метеорита, чьи осколки хранили нездешнюю энергию. Дар Адама проявился, когда он изучал эти обломки, управляя ими силой мысли. Вместе они трудились без усталы, как пальцы сложенных в молитве рук. Они работали с лихорадочным напряжением. Сольвейг с её дотошной точностью анализировала небесный состав метеорита, распутывая его тайны, точно космический шифр. Миа с её интуитивной связью с небесами прочерчивала траекторию метеорита, прослеживая его происхождение до далёких созвездий, из которых он упал. Даниэль с его властью над числами и алгоритмами переводил их находки в мощный алгоритм, что говорил о возможностях за пределами человеческого разума. А Итан с его ловкими пальцами и изобретательским гением строил сложные машины, чтобы обуздать энергию осколков, — машины, что гудели обещанием укротить сырую, необъезженную энергию обломков. Их тайная лаборатория, спрятанная глубоко в забытых недрах школы, была камерой ужасов, полной булькающих эликсиров и гротескных приборов, наполненной странной алхимией их опытов. Со своими кипящими смесями и гудящими машинами она стала их святилищем, их убежищем от будничного мира. Трудились они и в пыльных подвалах, и на затянутых паутиной чердаках, движимые почти маниакальной решимостью и общей верой в невозможное, медленно, кропотливо оживляя своё небесное творение.

Первая серьёзная попытка случилась в четверг в ноябре, спустя три недели после того, как они устроили на складе свою главную лабораторию.

Это была конструкция Итана — самая честолобивая из всех, что он делал: удерживающая камера, собранная из добытых где-то медных труб, электромагнитных катушек, снятых со сломанного томографа со свалки больницы, и решётки метеоритных осколков, подвешенных на нейлоновой нити в центре камеры. Он потратил на неё одиннадцать дней.

— Осколки должны достичь резонанса одновременно, — сказал Итан на их последней встрече перед попыткой. — Если совпадение сдвинется хоть на долю — хоть на несколько миллисекунд, — поле схлопнется прежде, чем сможет удержать само себя. Запас очень мал.

— Насколько мал? — спросила Сольвейг.

Итан развёл большой и указательный пальцы на миллиметр.

Попытка началась в девять вечера. Они стояли грубым полукругом вокруг камеры: Итан у пульта, Даниэль за ноутбуком, Сольвейг со своими приборами и планшетом, Миа у дальней стены с открытой тетрадью и карандашами за обоими ушами, а Адам стоял ближе всех к самой камере, опустив руки.

— Готовы? — сказал Итан.

Каждый подтвердил. На складе было очень тихо.

Итан запустил последовательность.

Первые четыре секунды всё шло в точности так, как предсказывали чертежи. Катушки зарядились одна за другой, нарастал низкий гул, который они почувствовали зубами прежде, чем услышали. Метеоритные осколки начали вибрировать в своих нейлоновых колыбелях — мелкая дрожь, словно нечто пыталось вспомнить язык, на котором когда-то говорило бегло. Воздух внутри камеры налился слабым свечением, бледно-золотым, едва различимым.

Даниэль сказал очень тихо:

— Тайминг импульсов в норме.

Сольвейг сказала:

— Энергетическая сигнатура растёт. Соплассуетса с моделью.

Адам ощутил знакомое чувство — где-то внутри него отворялась дверь — и осторожно вдохнул и задержал дыхание.

А потом три вещи случились одна за другой в очень быстрой последовательности.

Треск, резкий и высокий, будто бита ударила по камню. Потом свет — внезапный, белый и всеобъемлющий, вспышка, что выбелила склад до единственного передержанного снимка:

пять силуэтов, медная рама, клубок проводов. Потом давление — волна его, незримая, расходящаяся от камеры и толкающая Адама в грудь, точно ладонь.

Потом тьма. Потом щёлкнула аварийная лампа, которую Сольвейг настояла установить, и залила всё красным.

Камера была цела. Медная рама не покорибилась. Но метеоритные осколки были разбросаны по полу камеры, и несколько из них раскололись ровно по линиям излома, которых час назад не существовало. Нейлоновая нить лопнула в каждой точке подвеса.

Какое-то время никто не говорил.

— Тайминг, — сказала Сольвейг. Не вопрос.

Итан сел на ящик. Он упёр локти в колени, закрыл лицо ладонями и какое-то время просидел так.

— Отклонение в ноль целых восемь десятых миллисекунды, — сказал Даниэль, читая с журнала на телефоне. — На четвёртом импульсе. Собственная частота третьего осколка немного отличалась от той, что я записал. Она изменилась.

— Осколки меняются, — сказал Адам. Он всё ещё смотрел на них — на расколотые куски, на разбросанную решётку. — Они не статичны. Они реагируют на электромагнитную среду. Я вижу это в своих домашних образцах уже месяцами. Мне следовало вам сказать.

— Ты не знал, что это будет иметь значение в таком масштабе, — сказала Миа.

— Мне следовало предположить, что будет.

Молчание, что последовало, было молчанием пяти человек, одновременно пересматривавших масштаб того, за что они взялись.

Итан опустил руки.

— Одиннадцать дней, — сказал он.

— Я знаю, — сказал Адам.

— Мне понадобится не меньше трёх недель, чтобы отстроить заново. И нам нужен способ учитывать дрейф частоты осколков в реальном времени.

Все посмотрели на Даниэля.

Даниэль уже печатал.

— Дайте мне десять дней, — сказал он, не поднимая глаз.

Миа подошла к расщеплённым осколкам и присела рядом.

— Они раскололись вдоль кристаллической структуры, — сказала она. — Это не случайно. — Она посмотрела на Адама. — Это полезно?

Адам присел рядом с ней. Расколотые поверхности ловили красный свет и удерживали его — слабое внутреннее свечение, глубоко в минерале, которого до попытки видно не было.

Раньше он этого не замечал. Ни в одном из своих домашних образцов.

— Да, — сказал он медленно. — Это очень полезно.

Он достал тетрадь и принялся рисовать.

Дни напролёт они проводили в пыльном старом подвале и на затянутых паутиной чердаках, создавая свою маленькую звезду. Они вглядывались в бездну, в самое ядро творения и, пусть лишь на мимолётный миг, держали силу космоса в своих дрожащих руках. Не стану вам лгать — легко не было. Неудач им выпало больше, чем собаке, гонящейся за собственным хвостом. Но они не сдавались. Это был путь, полный провалов, мгновений отчаяния, что грозили погасить пламя их устремлений. Но они держались, движимые упрямым упорством и толикой того непокорного, бунтарского духа, что всегда отличал величайшие людские начинания. По мере того как дни сливались в недели, а недели — в месяцы, их непрестанный труд начал приносить плоды, странные и чудесные плоды, намекавшие на невообразимый потенциал, дремлющий в сердце метеорита. Однажды, работая в их тайной лаборатории, Итан воскликнул:

— Ребята, гляньте!

Все собрались вокруг, и он показал им прототип машины.

— Это устройство должно помочь нам направлять энергию метеорита куда эффективнее.

Миа, с расширившимися от восторга глазами, сказала:

— Итан, ты гений! Это и может быть тем прорывом, что нам нужен.

Даниэль, постукивая пальцем по ноутбуку, пробормотал:

— Ввожу последние данные. Теперь должны увидеть прирост стабильности.

В последующие несколько дней Адам и его друзья часто сходились вместе в тускло освещённом классе, обмениваясь идеями и теориями. Однажды их учитель, мистер Ольсен, задал проект о влиянии небесных тел на климат Земли. Это была идеальная возможность для компании погрузиться в свою страсть.

— Так, команда, — начал Адам, — давайте разделим работу. Сольвейг, ты берёшь данные по солнечным вспышкам. Итан, ты можешь заняться моделью магнитного поля Земли. Миа, ты разберёшься, как Луна влияет на приливы, а Даниэль просчитает цифры и создаст симуляции.

Сольвейг поправила очки, взволнованная.

— Меня всегда завораживали солнечные вспышки. Вы знали, что они могут выводить из строя спутники и электросети?

Итан, уже набрасывавший идеи в тетради, добавил:

— Думаю, я смогу собрать маленькую модель, которая покажет, как магнитное поле защищает нас от солнечной радиации.

Миа, с искрящимися глазами, сказала:

— Я найду потрясающие кадры приливных волн. Это же волшебство — как Луна может влиять на океан.

Даниэль, яростно печатавший на ноутбуке, поднял голову.

— Я сведу все наши данные в единую комплексную симуляцию. Она покажет влияние этих небесных явлений на Землю в реальном времени.

Они проводили часы в школьной библиотеке, зарывшись в книги и сетевые источники. Они делились находками и обменивались идеями. Вечером, когда сумерки окрасили небо в оттенки лилового и оранжевого, — пока они трудились в своей тайной лаборатории, спрятанной глубоко в недрах школы, — очередное устройство Итана, хитроумное сооружение из проводов, трубок и искрящихся электродов, отказало, вызвав небольшой взрыв, внезапную вспышку света и звука, что пронесла по комнате дрожь страха и восторга.

— Проклятье! — воскликнул он, и в голосе его смешались досада и едва сдерживаемое ликование, а воздух наполнился запахом горелого озона.

Адам бросился к нему:

— Ты цел?

— Да, да, просто немного потрянуло, — ответил Итан, стирая со лба пятно копоти, и в глазах его ещё поблёскивал адреналин едва миновавшей катастрофы. — Это устройство, эта адская машина, оказывается сложнее, чем я поначалу полагал.

Сольвейг, как всегда невозмутимая, предложила:

— Давайте передохнём и всё обдумаем. Может, мы что-то упускаем.

Миа принесла закуски, пытаясь разрядить обстановку.

— Может, посмотрим документалку про чёрные дыры? Вдруг она нас вдохновит.

Когда они устроились поудобнее, напряжение спало, и они с головой ушли в тайны вселенной. Их разговоры, подпитанные кофеином и восторгом открытия, сместились от тонкостей научной теории к более личным областям грёз, страхов и устремлений.

— Ты когда-нибудь думаешь, что мы предназначены для чего-то большего? — спросила Миа тихим голосом.

Адам кивнул:

— Каждый день. Я верю, что у нас есть потенциал изменить мир. Нам просто нужно двигаться вперёд.

Однажды на уроке химии компания собралась вокруг лабораторного стола, обсуждая последние результаты.

— Гляньте-ка, — сказал Итан, вытаскивая из рюкзака небольшое устройство. — Я работал над этим преобразователем энергии. Он должен помочь нам использовать метеоритные осколки эффективнее.

Сольвейг наклонилась, разглядывая устройство.

— Впечатляет. Это точно может ускорить наше продвижение.

Миа, вечная оптимистка, добавила:

— И только подумайте о возможностях! Мы на пороге чего-то невероятного.

Даниэль за ноутбуком поднял глаза и сказал:

— Я работал над алгоритмом. Если мы сумеем стабилизировать выход энергии, у нас, глядишь, и получится.

Их связь крепла с каждым новым испытанием.

По утрам Сольвейг чаще всего приходила на склад раньше остальных.

Это не было чем-то, что она объявляла или решала осознанно, — это просто вошло в привычку, так же как складывались многие из важнейших привычек Сольвейг: повторением, без церемоний. Она приходила в половине седьмого, отпирала боковую дверь ключом, что Итан вложил ей в ладонь в день, когда они подписали аренду, и проводила сорок минут наедине с данными, прежде чем являлся кто-либо ещё.

Она говорила себе, что приходит рано ради тишины. Отчасти это было правдой. Но более полная правда, которую она держала при себе с той же тщательной дисциплиной, что применяла ко всему, состояла в том, что она приходила рано, потому что проект её пугал, а испуг был состоянием, с которым она могла справляться лишь тогда, когда никто не смотрел.

Не страх провала. Пугал её разрыв между тем, во что верил Адам, и тем, что на данный момент подтверждали свидетельства. Она измеряла его каждое утро приборами, которым доверяла, и каждое утро осознанно выбирала всё равно продолжать.

Она не могла выразить в числах способность Адама видеть вещи прежде, чем он мог объяснить, как он их увидел. Она пыталась. Число не приходило.

И потому она приходила рано, и делала выбор заново, и к тому времени, как являлся Итан с охапкой медных труб, она была готова.

Она всегда заботилась о том, чтобы быть готовой.

* * *

Новая решётка была лучше первой.

Итан знал это с той особой, бессловесной уверенностью человека, что работает руками. Он перестроил систему подвеса, используя шестиугольную сетку вместо прямоугольной, что распределяло вибрационную нагрузку равномернее. Он вручную перемотал электромагнитные катушки за девять дней — плотнее и ровнее, чем машинная намотка оригиналов.

Чего он не сказал остальным, так это того, что три дня сразу после провалившейся попытки он вообще не мог над ней работать.

Не физически не мог. Он приходил на склад. Он садился за верстак, разложив перед собой инструменты, смотрел на прогоревшие катушки и не чувствовал ничего, кроме особой, всеобъемлющей пустоты, которую узнавал по одному прежнему опыту в четырнадцать лет, — чувства человека, что очень сильно чего-то хотел и получил отказ.

На четвёртый день он пошёл на пробежку вдоль гавани. Бежал он плохо, техника хромала, дыхание сбивалось. На пятый день он вернулся к верстаку, взял первую катушку и начал её разматывать. Руки знали, что делать, даже если остальное в нём ещё нагоняло.

Он не считал себя человеком, что имеет дело с чувствами. Он считал себя человеком, что строит вещи. Эти два факта, начинал он понимать, были связаны теснее, чем он прежде полагал.

Новая решётка была лучше. В этом он был уверен.

* * *

Миа никому не рассказывала о второй тетради.

Не о главной — с рисунками созвездий и проектными заметками, которые видели остальные, — а о меньшей, зелёной тетради в мягкой обложке, что она держала в кармане куртки и в которой писала нечто, что, строго говоря, не было наукой.

Она завела её в ночь провалившейся попытки, сидя на полу склада, пока Адам склонялся над осколками, а Итан смотрел в стену. Миа взяла карандаши и, поскольку не могла сразу оказаться полезной ни одним из способов, какими были полезны остальные, начала писать.

Она описывала, как выглядела попытка. Гул в зубах прежде, чем он стал слышимым. Особое золото первых четырёх секунд — цвет, которому у неё пока не было слова, не свет свечи и не осенняя листва, а нечто, что ощущалось скорее внутренним, чем внешним, скорее вспоминаемым, чем видимым.

Она написала: «Мы делаем то, чего никто не делал. Я не могу вычислить шансы на успех. Думаю, в этом-то и суть».

Кому-то нужно было это записывать. Так пусть это будет она.

* * *

Алгоритм дрейфа частот занял у Даниэля восемь дней.

Суть задачи была изящна, стоило лишь ясно её увидеть: метеоритные осколки не были неподвижными осцилляторами. Они были приспособляющимися. Их резонансная частота сдвигалась в ответ на электромагнитное поле — а значит, поле, призванное привести их к резонансу, само было причиной дрейфа, что резонансу мешал. Петля обратной связи. Система работала против самой себя.

Решение состояло в том, чтобы нацеливаться не на неподвижную частоту, а гнаться за движущейся. Алгоритм измерял текущую частоту каждого осколка двенадцать раз в секунду и непрерывно подстраивал тайминг импульсов под неё.

В два часа ночи на восьмой день симуляция прошла чисто. Все одиннадцать осколков достигли резонанса одновременно и удержали его четырнадцать смоделированных секунд.

Даниэль сохранил файл. Закрыв ноутбук. Посидел в кресле в темноте.

Потом снова открыл ноутбук и запустил симуляцию во второй раз, потому что не доверял хорошим результатам с первого прохода.

Она снова прошла чисто.

Он отправил Адаму одно сообщение: «Алгоритм готов. Как только Итан скажет, что камера готова, можем начинать».

Потом он лёг спать — и это было самое довольное состояние, в каком он пребывал за восемь дней.

Они проводили бессчётные часы в своей потайной лаборатории, оттачивая опыты и тянясь за пределы известного науке. Средняя школа, место удушающего единообразия и убивающей душу рутины, место, где грёзы часто угасали и умирали, парадоксальным образом послужила тем невероятным заведением, что сплотило друзей, окутанное почти осязаемым ореолом тайны и судьбы. В те мимолётные, драгоценные дни, когда лето истекало в осень, а листья принимали цвет догорающих углей, Адам и его товарищи часто сбивались в тускло освещённом классе, спасаясь от будничной реальности средней школы, и разговоры их были узором, сотканным из нитей научного поиска и юношеских грёз. Однажды их учитель, мистер Ольсен, человек, чью душу, казалось, выбелили годы меловой пыли и подросткового безразличия, задал им проект, что — сам того не ведая — послужил катализатором их необычайных

начинаний: исследование глубокого влияния небесных тел на хрупкий климат Земли. Для них это был дар свыше, возможность погрузиться ещё глубже в тайны, что пульсировали в самом ядре их общей одержимости. И так случилось, что в сонном, залитом солнцем классе, где воздух был густ от запаха меловой пыли и подростковой скуки, Адам Суннхордвик в сопровождении верной спутницы Сольвейг на уроке физики представлял проект о свойствах различных материалов. Это было переплетение слов и понятий, что на мимолётный миг должно было озарить будничную реальность их окружения мерцающим светом необычайного. Их голоса, точно сплетённые нити забытой мелодии, наполняли комнату, повествуя не о королях и битвах, а о сокрытых чудесах, что лежали под поверхностью повседневной жизни. Адам и Сольвейг стояли впереди, а за ними была проекция звёздной ночи.

— Вообразите, — начал Адам, и голос его был тих и звучен, как вибрация далёкой звезды, — тайную жизнь вещей, сокрытые связи, что соединяют, казалось бы, разрозненные элементы этого мира. Как у всякой души есть своя неповторимая печать, своя невыразимая суть, так и предметы вокруг нас, и одушевлённые, и неодушевлённые, таят в себе удивительную способность к связи, к резонансу. В мире природы различные элементы и материалы обладают поразительными способностями. Как у всякой сущности есть свои отличительные черты, так дерево, кристалл, камень и даже молекулы, из которых состоит любое вещество, — все они являют удивительные свойства, что позволяют им взаимодействовать с определёнными воздействиями и удерживать их.

Сольвейг, чей голос был нежным контрапунктом голосу Адама, точно перезвон крохотного серебряного колокольчика, добавила:

— Начнём с благородного дерева, этого древнего стража леса, существа, что воплощает не только силу и выносливость, но и особую, почти волшебную способность: сохранение запаха. Как терпеливый писец, дерево улавливает и хранит мимолётные ароматы, что несёт ветер, — сладкий аромат цветущего жасмина, землистый запах преющей листвы, солёную остроту морского бриза. Оно становится живым хранилищем обонятельных воспоминаний, благоуханным палимпсестом, на котором записана история мира. Будь то приятный запах цветущих цветов или землистый дух густого леса, деревья способны впитывать и удерживать эти обонятельные ощущения. Они действуют как естественный обонятельный резервуар, улавливая и сохраняя окружающие их ароматы и тем самым обогащая всеобъемлющее чувственное восприятие среды.

— А ещё, — продолжил Адам, и глаза его горели огнём открытия, — есть кристаллы, эти завораживающие структуры, рождённые в сокрытых глубинах земли, обладающие почти сверхъестественной способностью улавливать и удерживать мимолётную суть света. Благодаря своим уникальным молекулярным структурам кристаллы могут удерживать фотоны, фундаментальные частицы света, в каркасах своих решёток. Это явление, известное как захват света, или оптическая ловушка, позволяет кристаллам накапливать световую энергию, что ведёт к завораживающим отражениям, преломлениям и призматическим эффектам, что пленяют наш взор и будоражат воображение. Внутри их замысловатых, лабиринтообразных решёток фотоны, эти неуловимые вестники света, оказываются в плену, их энергия сохраняется, их танец обращается в ослепительное зрелище отражений, преломлений и призматических цветов. Они подобны миниатюрным вселенным, и каждая хранит пленённый свет тысячи солнц. — Он умолк, дав словам осесть, точно пылинкам в неподвижном воздухе класса, прежде чем добавить: — Но тайны кристаллов лежат ещё глубже. Продолжая изучать свойства кристаллов, мы обнаружили их способность удерживать не только свет, но и определённые формы информации. В своей сложной атомной архитектуре они обладают способностью хранить не только свет, но и сведения, закодированные в тончайших вибрациях, в узорах, что отражают музыку сфер. Они хранители забытого знания, безмолвные свидетели течения времени, и тайны их ждут, чтобы их раскрыл тот, у кого хватит терпения и прозорливости расшифровать их зага-

дочный язык. Благодаря сложному расположению атомов кристаллы способны хранить и кодировать данные — часто в форме вибраций или узоров. Это свойство сделало их ценными в различных технологических применениях, таких как устройства хранения данных, системы оптической памяти и даже в метафизических практиках, что приписывают кристаллам целебные или духовные свойства.

— В противоположность воздушной красоте кристаллов, — вставила Сольвейг с ноткой благоговения в голосе, — мы встречаем твёрдость и прочность камней. Эти земные образования обладают удивительной способностью удерживать и хранить звук. Явление это обусловлено составом камня и его способностью претерпевать упругие деформации при воздействии акустических вибраций. Вибрации пронизывают камень, заставляя его внутреннюю структуру резонировать и отзываться эхом, тем самым сохраняя слуховые волны и продлевая их существование в каменной сердцевине. Точно древние камеры эха, они впитывают вибрации окружающего мира — шёпот ветра, журчание текущей воды, крики птиц, смех детей. Звуковые волны пронизывают их плотные, неподатливые структуры, заставляя их резонировать, вибрировать в лад, сохраняя слуховую суть мира в их каменных сердцах.

Сольвейг продолжила повествование, и голос её принял оттенок тайны и эзотерики, точно старуха, читающая заклинание.

— И внутри этих кристаллических структур, внутри их точно упорядоченных решёток, мы находим ещё более странное взаимодействие между материей и незримыми силами, что пронизывают вселенную. Радиоактивные импульсы, испускаемые из сердца распадающихся атомов, сталкиваются с кристаллической решёткой и, точно свет, преломляющийся в призме, отражаются и преломляются, создавая уникальную, почти спектральную сигнатуру. Это взаимодействие, этот безмолвный разговор между видимым и невидимым, позволил нам заглянуть в самое сердце материи, распутать тайны атомного строения и фундаментальных сил, что правят космосом.

Комната, в которой подростки выглядели растерянные, чем хамелеон в коробке цветных мелков, была свидетельством дара Адама всё усложнять. Классный руководитель, мистер Ольсен, человек, что, казалось, состарился раньше срока под грузом бесчисленных учебных проектов, слегка приподнял бровь, задумчиво постукивая пальцами по столу. Он спросил:

— Если кристаллы могут хранить свет и информацию, а камни — удерживать звук, можем ли мы вообразить материал, что сочетал бы обе эти способности? Как это изменило бы наше понимание памяти и передачи данных?

— Кристаллические решётки, — продолжил Адам, — замысловатые атомные структуры внутри кристаллов, могут взаимодействовать с ещё одним видом излучения — радиоактивными импульсами. Эти импульсы, испускаемые радиоактивными материалами, могут отражаться и преломляться кристаллической решёткой, создавая характерный отклик. Это свойство используется в научных исследованиях и технологиях, таких как кристаллография, где способность кристалла взаимодействовать с радиоактивными импульсами помогает определять атомные структуры и изучать различные явления.

— Распространяя наше понимание на молекулярный уровень, — сказала Сольвейг, — мы видим, что вещества, независимо от их состава, обладают разной способностью поглощать или испускать электромагнитные волны. Эти волны, охватывающие широкий спектр от радиоволн до гамма-излучения, могут поглощаться или испускаться молекулами, из которых состоит данное вещество. Степень взаимодействия вещества с определёнными длинами волн зависит от его молекулярной структуры и химических свойств. Это уникальное взаимодействие позволяет веществам играть решающую роль в таких областях, как спектроскопия, телекоммуникации и даже функционирование живых организмов, где молекулы поглощают и испускают электромагнитное излучение, чтобы обеспечивать различные физиологические процессы.

— Мир природы являет нам множество завораживающих явлений, — заключил свою речь Адам, — где деревья, кристаллы, камни и молекулы демонстрируют свои отличительные способности. Эти замечательные свойства побуждают нас ценить чудеса, что нас окружают.

Класс был захвачен, пока Адам объяснял свойства кристаллов и камней.

— Кристаллы обладают необычайной способностью улавливать и удерживать свет. Благодаря своей уникальной молекулярной структуре кристаллы могут удерживать фотоны, фундаментальные частицы света, в каркасах своих решёток.

Сольвейг добавила:

— Камни обладают удивительной способностью удерживать звук. Вибрации проникают в камень, заставляя его внутреннюю структуру резонировать и отзываться эхом, тем самым сохраняя слуховые волны и продлевая их существование в сердцевине камня.

— И камни, — добавил Итан, — могут удерживать звук. Это возможно благодаря составу камня и его способности претерпевать упругую деформацию при воздействии акустических вибраций.

Адам, чей голос вновь обрёл прежнюю силу, завершил их выступление росчерком, последним, всеобъемлющим утверждением, что охватило весь размах их общего видения.

— Итак, мы видим: от грандиозного масштаба космоса до бесконечно малого царства молекул — всё обладает способностью взаимодействовать, поглощать, испускать и резонировать. Электромагнитные волны, от слабейшего шёпота радиоволн до слепящей мощи гамма-лучей, непрестанно обмениваются, непрестанно формируя мир вокруг нас. Степень этого взаимодействия, те частоты, что поглощаются или испускаются, зависят от замысловатой игры молекул, их структуры, их состава, их врождённых свойств. Это взаимодействие, этот непрестанный обмен энергией и информацией, позволяет нам воспринимать мир, общаться, понимать и, быть может, даже придавать форму самой природе того, что реально.

Он продолжал, и слова его рисовали картину вселенной куда более сложной и чудесной, чем большинству людей могло бы примерещиться. На определённых частотах частицы обладают замечательной способностью резонировать, сонастраивая свою энергию с энергией света. Этот резонанс обращает их в неотъемлемые составляющие самого света, они сливаются с ним без остатка и становятся проводниками для испускания и передачи света.

— Резонанс играет решающую роль в различных явлениях электромагнитного спектра, — объяснял он, и память о тысяче закатов окрашивала его голос. — В оптике резонанс отвечает за поглощение, отражение и преломление света. Когда частица резонирует с определённой частотой световой энергии, она поглощает одни волны, отражая или пропуская другие. Именно это избирательное взаимодействие порождает цвета, что мы видим вокруг, — от огненного зарева заката до прохладного мерцания звёзд.

Более того, резонанс простирается за пределы электромагнитных волн. Например, в электронике резонансные контуры создают для того, чтобы усиливать электрические сигналы и управлять ими. Когда электрический импульс совпадает с резонансной частотой элемента контура, такого как катушка индуктивности или конденсатор, передача энергии усиливается, что приводит к явлению, известному как резонанс. Этот резонанс может обернуться большей амплитудой или большей эффективностью в передаче электрических сигналов. Способность частиц резонировать и сливаться со светом, а также усовершенствование электрических импульсов через ускорение и модуляцию подчёркивают сложность и потенциал взаимодействия волн и частиц.

— Эти явления не только углубляют наше понимание фундаментальной природы материи и энергии, — сказал Адам, и последние его слова потерялись в шёпоте меловой пыли, что вновь оседала на безмолвный, растерянный класс, на подростков, запертых между их будничной реальностью и настоящей, почти непостижимой вселенной, которую Адам приоткрыл на краткий, блистательный миг.

Даниэль завершил выступление демонстрацией своего алгоритма, показав, как различные свойства можно смоделировать, чтобы создавать новые материалы с уникальными способностями. Позже, несколько недель спустя, что показались мимолётной вечностью, их учитель, мистер Ольсен, застал их в потайной лаборатории — пространстве, что слабо пахло озоном и юношескими амбициями. Он расспрашивал их, и голос его был смесью любопытства и опаски, об их дерзком начинании.

— Адам, — начал он, хмурясь в смеси скепсиса и нехотя признаваемого восхищения, — чего именно ты надеешься достичь этим своим... «звёздным» проектом?

Адам, с глазами, сиявшими укоренённой уверенностью юности, ответил:

— Мы пытаемся, мистер Ольсен, воссоздать в управляемой среде те самые условия, что существуют в ядре звезды. Если нам удастся, это может перевернуть наше понимание энергии, вселенной, всего.

Мистер Ольсен скептически приподнял бровь — жест, что, казалось, воплощал сомнения всего научного сообщества.

— И ты искренне веришь, что этот... этот необычайный подвиг тебе по силам?

Сольвейг, всегда верная спутница, голос разума и непоколебимой поддержки, заговорила твёрдо и решительно.

— Верим, мистер Ольсен. Мы уже значительно продвинулись, используя уникальные свойства метеоритных осколков, что нашли. Мы на пороге прорыва, мгновения, что может изменить всё.

Мистер Ольсен скрестил руки на груди, и лицо его оставалось бесстрастным, но в глазах вспыхнула искра интереса.

— Вы понимаете, что играете с силами, которые едва под силу обуздать даже взрослым учёным?

Сольвейг добавила, едва сдерживая волнение:

— Мы нашли вещество, которого, похоже, не существует на Земле. Оно откликается на определённые волновые колебания, и, быть может, его свойства позволят нам смоделировать термоядерный процесс в управляемой среде.

Адам встретил взгляд мистера Ольсена, и глаза его сверкнули решимостью.

— Мы хотим воссоздать процесс рождения звезды, мистер Ольсен. Мы изучаем, как материя сжимается, разогревается и наконец воспламеняется. Если мы сумеем понять это на фундаментальном уровне — кто знает, какие новые источники энергии мы могли бы открыть?

В обмен на молчание стареющего человека — уговор, скреплённый в безмолвной тайне их потайной лаборатории, — Адам и его товарищи согласились регулярно представлять мистеру Ольсену свои находки и открытия, делиться с ним плодами своего необычайного труда, позволять ему мельком видеть разворачивающееся чудо, что они пытались сотворить. Однажды днём, среди высоких стеллажей школьной библиотеки — их прибежища от однообразия школьной жизни, — друзья погрузились в изучение динамики частиц, пытаясь ухватить связь между материей и энергией. Адам, чьи глаза светились огнём и горели жадой знания, оторвался от особенно трудного и эзотерического учебника.

— А вы знали, друзья мои, что частица в воде ведёт себя иначе, чем та, что покоится на суше или парит в космосе?

Миа, склонив голову набок, с выражением, что было смесью любопытства и игривого скепсиса, ответила:

— Прошу, Адам, просвети нас своей мудростью. Что ты имеешь в виду?

— Что ж, — объяснил Адам, — в воде плотность молекул и их взаимодействие диктуют равновесие частицы, определяя её баланс и движение. Однако на Земле её поведением правит тонкое равновесие между потенциальной и кинетической энергией по отношению к неослабному притяжению гравитации.

Сольвейг, всегда проницательный наблюдатель, та, что видела закономерности там, где другие видели лишь хаос, вставила голосом, что был нежным контрапунктом голосу Адама:

— А в невесомой пустоте космоса, если плотность частицы приближается к плотности света, её скорость может достичь невообразимой величины, бросая вызов фундаментальным законам, что правят нашим миром.

Эти сведения потрясли друзей до глубины души. Они осознали огромные следствия того, что частицы могут не подчиняться привычным пределам скорости. Это открывало возможности для межзвёздных путешествий и глубоких перемен в понимании динамики пространства-времени. Итан, всегда прагматик, жаждавший обращать теоретические понятия в осязаемую реальность, сказал:

— Вообразите, друзья мои, последствия такого знания! Мы могли бы перевернуть космические путешествия, пересекать огромные бездны между звёздами и изменить само наше понимание вселенной!

Их беседы всегда были такими — вихрем идей, хаотичным и блистательным. В своих выступлениях на уроках физики, что отражали их своеобразное хаотичное мышление, они говорили о свойствах различных материалов, сплетая карту научных понятий и поэтических метафор, что и сбивала с толку, и пленяла их одноклассников. Интересы их были связаны не только с опытами и выступлениями. Они часто обсуждали философские следствия своей работы. Адам благодаря своей сверхъестественной способности управлять осколками, общаться с их нездешней сутью, обнаружил вещество, не похожее ни на что найденное на Земле, редкий и могущественный элемент, что таил в себе ключ к их дерзкой мечте: воссозданию звезды. Метеоритные осколки хранили тайну — вещество, не встречающееся в природе Земли. Их опыт, некогда лишь смутная догадка, расцвёл в поразительную явь. Они прикоснулись к великой тайне творения — или, по меньшей мере, к раскалённому лику звезды. Они постигали чудеса космоса и держали в руках силу, что некогда сияла в глубинах вселенной. Однажды за обедом Миа задала вопрос:

— Как вы думаете, что это будет значить для человечества, если мы и вправду сможем создавать звёзды и влиять на них?

Адам на мгновение задумался, прежде чем ответить:

— Это будет значить, что мы не просто наблюдатели вселенной — мы её участники. Мы можем определять собственную судьбу и постигать тайны бытия.

Итан, всегда реалист, добавил:

— Но это ещё значит, что на нас лежит огромная ответственность. Мы должны быть уверены, что распорядимся этой силой мудро.

Сольвейг кивнула в знак согласия.

— Мы не можем позволить амбициям ослепить нас настолько, чтобы не думать о возможных последствиях. Мы должны оставаться приземлёнными и держаться этики в нашем поиске.

Даниэль, всегда готовый строить планы, сказал:

— Вот почему мы должны тщательно вести записи нашей работы. Прозрачность и отчётность — вот что главное.

Они дали торжественный обет, скрепив уговор мерцающим светом общего устремления, — продолжать поиск, пока вселенная не откроет все свои тайны, пока не будет отвечен каждый вопрос, пока не рассеется каждая тень. И потому они чувствовали, что их совместное исследование может привести к революционному открытию. Они хотели создать миниатюрную звезду в управляемой среде. Компания собиралась по ночам на заброшенном складе, где Адам, Сольвейг, Итан, Миа и Даниэль решили построить камеру для проведения опыта. Компания, братство юных умов, связанных общим порывом и твёрдой верой в невозможное, собиралась в пещерном пространстве заброшенного склада, где эхом отзывались призраки забытых производств и шёпот их собственных дерзких грёз. Там, среди ржавых машин и пыльных

останков минувшей эпохи, Адам, Сольвейг, Итан, Миа и Даниэль строили камеру, горнило, что станет колыбелью их необычайного творения. Их связь, выкованная в горниле общих грёз и непрестанной преданности, крепла с каждым испытанием, с каждым препятствием, что они одолевали. Они проводили бессчётные часы в своей тайной лаборатории, прибежище от будничного мира, оттачивая опыты, выходя за пределы установленного наукой и погружаясь в области, что большинство сочло бы невозможными. Однажды, на особенно нудной лекции по физике, пока мистер Ольсен бубнил о законах термодинамики, ум Адама, точно неугомонная птица, вырвался из тесноты класса и взмыл в безбрежную ширь космоса. Он шепнул Сольвейг, и голос его был едва слышен сквозь однообразный гул люминесцентных ламп:

— Ты веришь, *kjæte min*, что мы найдём ещё эти небесные осколки?

Сольвейг кивнула, и глаза её отражали далёкий свет его устремлений.

— Без сомнения, *kjæresten*. Нам лишь нужно расшифровать закономерности, проследить траектории и распутать тайны их небесного танца. Я их изучала, знаешь ли, прочерчивала их пути по огромному, чернильному полотну ночного неба.

Итан, сидевший позади них, чью неугомонную энергию едва удавалось сдерживать, подался вперёд, и голос его был заговорщицким шёпотом.

— Друзья мои, кажется, я придумал способ стабилизировать энергию, укротить дикое сердце этих осколков — с помощью гироскопического стабилизатора, устройства, что будет противодействовать непредсказуемым колебаниям и предотвратит любые неприятные происшествия.

Миа, чертившая в тетради созвездия и дававшая волю воображению, добавила:

— Когда мы создадим нашу звезду, наше миниатюрное солнце, мы должны дать ему имя — имя, что отразит его красоту, его силу, его волшебство. Что-нибудь вроде... «Авроры».

Аврора длилась двадцать три секунды.

В последующие недели команда провела ещё двенадцать запусков. Десять прошли успешно. Два неудачных объяснялись неполадками оборудования, которые Итан выявил и устранил. Доля успеха оказалась выше, чем кто-либо из них рассчитывал, а причину этой неожиданной удачи Даниэль подметил ещё на шестом запуске: осколки не просто откликались на параметры поля. Они к ним приспосабливались. Каждый запуск оставлял осколки в чуть иной конфигурации, и эта конфигурация определяла следующий запуск, и следующий запуск оказывался соответственно устойчивее.

Метеоритные осколки учились.

Адам записал это в тетрадь в три часа ночи после восьмого успешного запуска, а потом долго смотрел на написанное, а потом приписал ниже: «Вот что лунный камень делал на Кармее. Приспосабливался к среде. Накапливал сведения об условиях. Готовился».

Этой гипотезой он с остальными пока не поделился. Ему нужно было больше данных.

Ему нужно было, начинал он понимать, гораздо больше данных, чем у него было. Ему нужна была лаборатория побольше склада. Ему нужны были годы.

Даниэль, всегда приземлённый реалист, якорь, что удерживал их от чрезмерного дрейфа в область фантазии, вставил:

— Давайте-ка сперва сосредоточимся на насущном, на самом творении. Имена, сколь бы поэтичны они ни были, могут подождать, пока мы не достигнем главной цели.

Их опыт затрагивал лишь одну мини-звезду, сделанную в лаборатории. День, когда они зажгли эту самодельную звезду, был... что ж, это было как тысяча закатов, втиснутых в один славный миг. Свет наполнил тот пыльный старый склад, нездешний свет, когда маленькая звезда запыхала ярким, вечно меняющимся спектром цветов, точно божественное присутствие — всё мерцающее и переливающееся. Это был кусочек рая, прямо там, в том грязном старом здании. Как только они зажгли свою камеру с самодельной звездой, своим тщательно созданным миниатюрным солнцем, эффект был поистине электризирующим — миг чистого, беспри-

месного чуда, что не поддавался языку и бросал вызов законам обычной физики. Комнату затопил лучезарный, нездешний свет, мерцающее, раскалённое зарево, что сдвигалось и пульсировало собственной жизнью, расписывая стены калейдоскопом ярких, вечно меняющихся цветов. Это был миг благоговения, преклонения, глубокой связи с огромной, непостижимой вселенной, что их окружала. Но со столь безмерной силой пришла и столь же безмерная ответственность, бремя, что тяжело легло на их юные плечи. Растущая неустойчивость их зарождающейся звезды, её мерцающая, непредсказуемая энергия, стала неотступной, вездесущей явью, угрозой, что нависла над ними, точно небесный дамоклов меч. Она грозила схлопнуться, взорваться, выпустить поток разрушительной энергии, что мог стереть всё, что они так неустанно создавали. И пока звезда всё мерцала и колебалась, дрожа на грани хаоса, единство друзей, их некогда нерушимая связь, начало осыпаться, распадаться, поддаваться разъедающим силам страха и сомнения. Сольвейг, чьё сердце снедало растущее чувство ужаса, настаивала на немедленной остановке опыта, и голос её дрожал от смеси страха и отчаянной мольбы.

— Мы не можем это контролировать, Адам! Это слишком опасно, слишком непредсказуемо! Мы должны остановить его, пока не поздно!

Итан, чья страсть к их творению горела так же ярко, как сама звезда, яростно противился, и голос его был полон смеси вызова и устоявшейся решимости.

— Мы не можем просто сдаться сейчас, Сольвейг! Мы на пороге прорыва, мгновения, что может изменить всё! Мы должны выстоять, мы должны найти способ укротить эту дикую, необъезженную энергию!

Миа, зажатая между двумя противоборствующими силами, с сердцем, разрываемым между верностью друзьям и растущим чувством тревоги, сокрушалась:

— Мы не можем отказаться от нашей мечты, venneg, но не можем и не замечать леденящего дыхания бездны. Мы играем с силами, которых не понимаем до конца, и последствия могут быть катастрофическими.

Даниэль, всегда голос разума, прагматик, что пытался найти равновесие между честолобием и осторожностью, предложил:

— Мы должны отыскать *behandlingen*, решение, способ стабилизировать этого небесного зверя, обуздать его силу, не выпуская на волю его разрушительный потенциал. Нам нужен прорыв, миг вдохновения, вспышка гения.

Миа, голосом, полным сомнения и отчаяния, высказала свою растущую тревогу:

— А что, если всё это впустую, *venneppe mine*? Что, если мы просто гонимся за призраком, за мечтой, что вечно будет ускользать от нас? Что, если мы просто тратим впустую наше время, нашу энергию, наши жизни?

Сольвейг, вечно сострадательный друг, положила руку на плечо Миа, и голос её был полон мягкого понимания.

— Даже если мы потерпим неудачу, *min kjæere*, даже если наша звезда не засияет, мы уже столькому научились, мы так выросли, мы пережили нечто поистине необычайное. Всякая неудача, всякое препятствие — лишь ступень на пути к окончательному успеху.

Итан, чьи глаза горели неослабным огнём убеждённости, кивнул в знак согласия.

— И кроме того, *venneppe mine*, мы пытаемся сделать нечто поистине небывалое, нечто, что большинство сочло бы невозможным. Много ли найдётся людей, что могут заявить, будто хотя бы осмелились мечтать о создании звезды?

Адам, провидец, тот, кто всегда видел закономерности в хаосе, кто всегда верил в глубокий потенциал человеческого духа, осознал с внезапной, глубокой уверенностью, что ответ, то *behandlingen*, что они столь отчаянно искали, дремлет в нём самом — спящий исполин, ждущий ласки своего пробуждения. Ему предстояло встретиться лицом к лицу с призраками собственных сомнений, спуститься в колодец своих страхов и высвободить дремлющий потенциал, что пульсировал, точно второе сердце, у него в груди. Динамика группы, всегда бурный

коктейль из блеска, теперь была пропитана горьким привкусом страха. И тогда, в миг глубокой и почти невыносимой ясности, миг, что, казалось, растянулся в вечность, Адам потянулся — не руками, а незримыми щупальцами разума, устанавливая связь с зарождающейся маленькой звездой, хрупким, мерцающим пламенем в огромной тьме. Он ощутил её бурлящее ядро, сырую, необъезженную мощь, что грозила разорвать её на части. Сольвейг, наблюдая это безмолвное причастие, это слияние человеческого сознания со звёздным светом, прошептала, и голос её дрожал от благоговения и толики страха:

— Адам, du er nøkkelen... ты ключ.

Когда они смотрели на ночное небо, небо, теперь наполненное новым смыслом, на них снизошло осознание, огромное и глубокое, как сама вселенная: их странствие, их pilegrimsreise, ещё не завершено. Они стояли на пороге невообразимых открытий, готовые распутать глубочайшие, тщательнее всего оберегаемые тайны бытия. Их приключения среди звёзд, среди отголосков творения, только начинались. Однажды днём, когда они собрались в своей потайной лаборатории, Сольвейг предложила новую идею:

— А что, если бы мы могли использовать нашу звезду для производства чистой энергии? Вообразите, какое влияние мы могли бы оказать на мир.

Глаза Итана загорелись.

— Мы можем построить прототип генератора, что использует энергию звезды. Это и может быть тем прорывом, что мы ищем.

Миа, вечная провидица, добавила:

— И мы могли бы представить наши результаты на грядущей региональной научной ярмарке. Это была бы идеальная площадка, чтобы показать нашу работу.

Даниэль, всегда практичный, предостерёг:

— Мы должны убедиться, что это безопасно и стабильно. Меньше всего нам нужен ещё один неустойчивый опыт.

Адам согласился.

— Давайте делать это шаг за шагом. Мы проведём симуляции, испытания и убедимся, что каждая мелочь надёжна.

После уроков, на фоне их необычайных усилий, компания собралась вокруг лабораторного стола, перешёптываясь и обсуждая последние находки и прорывы.

— Это устройство, — провозгласил Итан, и голос его дрожал от смеси гордости и едва сдерживаемого благоговения, — создано, чтобы направлять сырую, необъезженную энергию метеоритных осколков с невиданной прежде точностью!

Миа, с расширившимися от страха и восторга глазами, прошептала:

— Итан, ты безумец, гений, коснувшийся божественного огня! Это... это и может быть ключом, тем hovednøkkel, что отпирает врата творения!

Даниэль, всегда прагматичный контрапункт огненному воодушевлению Итана, яростно стучал по ноутбуку, и свечение экрана озаряло его лицо жутким, нездешним светом.

— Я интегрирую последние данные, уточнённые алгоритмы. Предварительные прогнозы указывают на значительный прирост стабильности, на укрощение дикого сердца нашего небесного зверя.

Адаму и его друзьям удалось не только создать миниатюрную звезду, но и глубже постичь фундаментальные принципы вселенной. Их связь крепла с каждым новым испытанием, а их общая любознательность не знала границ. Их первая маленькая звезда была лишь слабым мерцанием в сравнении с огромным пламенем амбиций Адама; она затрагивала лишь одну крохотную звезду, миниатюрное солнце, созданное в лаборатории. Но Адам, чей взор был устремлён на далёкое, огненное полотно переплетённых галактик, грезил о более грандиозном замысле: о починке самой ткани небес, о том, чтобы стать космическим целителем звёзд. Адам всерьёз подумывал о строительстве и починке настоящих звёзд и астероидов. Но для этого ему нужны

были эти сведения, чтобы чинить звёзды! Он был неудержим. Он понимал с ясностью, граничившей с мистическим откровением, что ни одно поистине грандиозное свершение невозможно совершить в одиночку. Он искал родственные души: собратьев-учёных, работников, мечтателей — собирая грозный легион, собрание умов, чьи отдельные достоинства дополняли и усиливали друг друга. Вместе они становились неудержимой силой, небесным двигателем, питаемым общим огнём их совокупного мастерства. Он знал с полной убеждённой и страстью поэта, что с блистательным оркестром учёных и работников он мог бы переписать звёздную гармонию. Они провели много месяцев, совершенствуя свою конструкцию, и восторг их рос с каждым удачным испытанием. Настал день научной ярмарки, и их выступление собрало толпу восхищённых учеников и учителей. Пока Адам рассказывал об их проекте, публика была захвачена.

— Используя силу нашей миниатюрной звезды, мы разработали прототип генератора, что способен производить чистую, возобновляемую энергию. У этой технологии есть потенциал перевернуть то, как мы используем ядерную энергию.

— Наш опыт был не только о создании искусственной звезды, — объяснял Адам зачарованной публике. — Он был о том, чтобы раздвинуть пределы того, что мы считаем возможным.

Судьи были впечатлены, и их проект занял первое место, снискав признание и поддержку научного сообщества. С новообретённым успехом Адам и его друзья продолжили осваивать новые рубежи, движимые неутолимой любознательностью и неколебимой решимостью. Они знали, что их странствие ещё далеко не окончено и что их приключения среди звёзд лишь начинаются. Вместе с друзьями он создал уникальную коллекцию — шестимерные изображения метеоритов со всего света. Их лаборатория стала своего рода Меккой для упавших звёзд, местом, где камни из самых отдалённых уголков планеты и вселенной раскрывали свои тайны пытливым умам. Их необычайные способности, неколебимая дружба и потребность знать уже изменили ход их жизни. Теперь они были готовы изменить ход человеческой истории, высвободив подлинный потенциал науки и открытия.

Адам:

— Однажды мир узнает нас как первопроходцев звёздной алхимии, что навсегда изменили восприятие вселенной человечеством. Как тех, кто научил людей видеть вселенную не холодной и равнодушной пустотой, а полотном, на котором мы можем писать собственную судьбу!

Сольвейг:

— И мы будем и дальше раздвигать пределы возможного, открывая по пути новые чудеса.

Итан:

— В будущее и дальше.

Миа:

— За науку, искусство и волшебство открытия.

Даниэль:

— Вместе мы раскроем тайны космоса.

Они чокнулись, готовые вступить в следующую главу своего необычайного странствия, объединённые страстью к науке и глубоким потенциалом коллективного воображения. Их дух сотрудничества был заразителен, и вместе они совершенствовали методы Адама. Преданность Адама стремлению выйти за пределы известного научному поиску была колоссальна. Через неустанные опыты и доработки Адам оттачивал свою технику. Создавая подходящую среду для роста минералов и кристаллов, Адам разработал управляемую установку, в которую мог вводить необходимые элементы и соединения. Они стремились создать миниатюрную звезду в тщательно управляемых пределах своей лаборатории, мерцающее пламя небесного огня, что озарит тьму и раскроет сокрытые тайны вселенной. Благодаря своим необычайным способностям, выкованным под давлением той же жажды и неколебимой дружбы, и своему широ-

кому аппетиту к знанию Адам и его товарищи были готовы отправиться в одиссею, что навсегда изменит ход человеческой истории, высвободив глубокий, почти невыносимый потенциал науки и человеческого духа. Когда учебный год подошёл к концу, компания осознала, что их странствие всё ещё в движении. Они отворили дверь во вселенную возможностей, и их общая любознательность побуждала их браться за ещё более сложные задачи. Вместе Адам, Сольвейг, Итан, Миа и Даниэль стояли на пороге приключения, что изменит ход человеческой истории. Они решили не останавливаться, пока не получают все ответы на все вопросы. Они овладели силой звёзд и теперь были готовы исследовать простор космоса, шаг за шагом. Адам осознал, что его честолюбивая цель требует не только решимости, но и глубокого, многогранного понимания мира. Он погрузился в изучение различных дисциплин — от астрофизики до материаловедения, от акустики до квантовой механики. Столь широкое основание вооружило его целостным пониманием и позволило подходить к решению задач с разных сторон. Он знал, что истина сокрыта не в одном направлении, а на пересечении многих областей знания. Отец забрал все электронные устройства с выходом в интернет, страшась потока информации, чтобы уберечь сына. И потому Адам был заточён в пыльных стенах единственной городской библиотеки, чьи полки стонали под грузом накопленной мудрости, и тишину нарушали лишь шелест страниц и шёпот его собственных беспокойных мыслей. Адаму приходилось постоянно учиться, исследовать и открывать то, что нужно было понять, прежде чем браться за подобное дело. Неутолимая жажда знания, глубокая преданность исследованию и глубокая убеждённость в силе командной работы привели его к вершине успеха в его области. Адам понимал, что ни одно великое исследование нельзя провести в одиночку. Он искал единомышленников — учёных и сотрудников, — сколачивая грозную команду, где достоинства и умения дополняли друг друга. Вместе они становились неукротимой силой, соединяя своё совокупное мастерство ради решения сложных задач. Он знал, что с хорошей командой учёных и работников способен достичь великих результатов. Тысячи и тысячи часов Адам посвятил своей мечте — целую жизнь, сведённую к единственному стремлению к знанию и овладению космосом. Даже мгновения отдыха были для него лишь возможностью ещё отточить своё понимание, разработать новые стратегии, укрепить свою железную решимость достичь, казалось бы, невозможного. Он искал учёных и коллег, сколачивая команду, где достоинства и умения дополняли бы друг друга. И тогда Адам создал открытое общество ради единства целей.

И тогда Адам создал открытое общество ради единства целей, на построение которого ушло три года и которое, оглядываясь назад, обладало чертой неизбежности.

Он с самого начала складского периода понимал, что работа слишком велика для пятерых. Он понял это яснее после года срыва, когда увидел, что происходит с работой, когда он пытается нести её в одиночку. И яснее всего он понял это за четырнадцать месяцев в астероиде, когда пятеро из них действовали как система, в которой каждая часть была по-настоящему незаменима — не потому, что остальные не смогли бы сделать эти задачи, а потому, что особое качество каждого человека придавало его вкладу такую форму, какую другой человек, делая те же задачи, не воспроизвёл бы.

Открытое общество было попыткой масштабировать это качество: построить сообщество людей, что могли бы работать над задачами, которых не решить впятером, не утратив того особого, что делало пятерых работоспособными.

Он потратил год на размышления о том, что это было за особое, прежде чем понял его достаточно хорошо, чтобы строить с прицелом на него. Это была не умелость, хотя умелы были все они. Это была не страсть, хотя она была у всех. Это было нечто более конкретное: способность ошибаться на глазах у других людей так, чтобы это не подрывало твою готовность продолжать.

Он видел, как это качество отказывало другим учёным. Он видел, как рушились лаборатории, потому что руководитель не мог принять открытие, противоречившее его позиции. Он

видел, как карьеры заканчивались горечью людей, что построили свою личность на гипотезе, оказавшейся ошибочной, и не смогли пережить эту ошибочность.

Пятеро из них всегда умели ошибаться. Сольвейг отчасти построила свою репутацию на том, что бывала явно неправа в печати, а затем явно права в следующей статье, и относилась к обеим статьям как к равноценным, потому что обе двигали понимание вперёд. Итан отбросил три года работы над конструкцией оболочки, когда новый сплав сделал прежний подход устаревшим, не удостоив это большим комментарием, чем «новый подход лучше». Даниэль запустил алгоритм, что вернул ожидаемый им результат, а затем удалил алгоритм, потому что нашёл методологический изъян, и переписал его с нуля, и никому не рассказал о промежуточной версии.

Адам построил открытое общество, отбирая по этому признаку. За три года он провёл собеседования с двумя сотнями учёных. Он взял двадцать шесть. Опубликованные им критерии отбора касались экспертизы в предметной области и подтверждённых способностей. Критерий отбора, что он не публиковал, был тем, что он применял после собеседования: может ли этот человек сказать «я был неправ» так, чтобы это не стоило ему больше, чем он мог себе позволить?

Двадцать шесть человек, что присоединились к сообществу в первый год, были началом чего-то. Не его чего-то — того, что переживёт его самого, потому что меньше всего Адама занимало наследие, а больше всего его занимало продолжение.

Он строил это, чтобы оно продолжалось без него.

Он надеялся, что так и будет.

...вращивая культуру, где каждый чувствовал себя ценным и вдохновлённым. Он понимал, что люди — не ничтожные частицы во вселенной, когда они организованы и работают сообща ради общей цели. Он создал команду, где каждый чувствовал себя уникальным и ценным. То, что влекло их всех вперёд, к открытию, питало их решимость раздвигать границы и вносить прорывной вклад в свою область. Вращивая атмосферу открытого диалога и общей цели, культуру, где каждый чувствовал себя ценным, наделённым силой и зажжённым коллективным пламенем. Адам стал сияющим образцом целеустремлённости и интеллектуальной мощи на обширном поле научного поиска, яркой звездой на огромном, часто сумрачном небосводе науки. Адам стал блестящим учёным. Он провёл тысячи часов за учёбой, вся его жизнь была посвящена мечте, и при всякой возможности он думал о том, как стать умнее или как достичь задуманного. Его команда не просто наблюдала за звёздами — они дерзнули создать одну из них, миниатюрное солнце, мерцающее пламя небесного огня, заключённое в тщательно выстроенных пределах их лаборатории. Тот порыв, что был у них общим, пылающее солнце в средоточии их совместных усилий, питал их устойчивую убеждённость выйти за пределы известного, рискнуть неизведанной почвой научной возможности и внести вклад, что будет отзываться веками.

КРИСТАЛЛИЧЕСКАЯ ЗВЕЗДА

Во влажном, алхимическом воздухе его мастерской, пространства, заставленного мерцающими минеральными обломками и стеклянными ретортами, что нашёптывали забытые тайны, жил Адам — человек, не просто влюблённый в науку, а одержимый ею. Он не только любовался золотистым блеском пирита или геометрическим совершенством кварца — он жаждал расшифровать их безмолвный язык, понять гармонии, вплетённые в решётки сапфиров и самоцветов, прикоснуться к самому процессу творения. Каждый кристалл, застывшая симфония вибрирующих атомов, хранил тайны с зари времён, и Адам, точно верховный жрец, разбирающий древние свитки, стремился услышать их песнь. Он проводил бессчётные часы в глубинах старых библиотек, где полки, точно кости древних исполинов, стонали под грузом вековых трактатов. Здесь, в шёпоте переворачиваемых страниц и призрачном эхе давно ушедших алхимиков, витал дух его предшественников. Его мастерская, хаотичная и в то же время священная, где воздух был наэлектризован запахом серы и предвкушением чуда, служила ему храмом. Здесь, в свершении незримых превращений, он совершал свои обряды, ища не мифическое золото преданий, а куда более драгоценное сокровище: понимание, что позволило бы ему прикоснуться к краеугольным камням творения. Он жил среди пергаментных теней забытых искателей, в лаборатории, что стала святилищем булькающих смесей и нашёптываемых заклинаний — не магии, а науки. Это был храм, где из сырья космоса ковались новые, захватывающие дух формы. Именно там, в пыльном янтаре солнечного луча, пронзившего мрак, пока тени плясали по стенам, Адама поразило прозрение, яркое и неотвратимое, как молния, рассекающая ночь. Магнетизм, эта незримая сила, был не просто физическим явлением; это была мощь, что могла ваять саму судьбу минералов, управляя законами их рождения и роста. С пылом, граничившим со священным, Адам начал свой *magnum opus* — симфонию не звука, а магнитной силы, что повелевает самой материей. Он создал лабораторию, лоно науки, где мог направлять незримые нити магнетизма, точно демиург, что ткёт узор творения из камня и кристалла. Внутри этого святилища кружились ионы и неслись заряженные частицы, следуя ритму магнитных полей. Это был танец, разыгрывавшийся на микроскопической сцене, управляемая среда, приют, где сырьё вселенной не принуждали, а мягко склоняли тонким искусством управления принять новые, изысканные формы. Здесь Адам не просто ставил опыты — он творил. В этой управляемой среде, прибежище, где стихии склонялись перед рукой человеческого разума, сырьё вселенной подчинялось новому, неповторимому порядку. Когда Адам запускал процесс, перед его глазами разворачивалось зрелище, более пленительное, чем любое северное сияние. Магнитное поле направляло движение и выстраивание частиц, ваяя замысловатые структуры и рождая минералы и кристаллы невозможной красоты. Адам погрузился в области минералогии и кристаллографии, изучая фундаментальные принципы, что правят образованием и строением минералов и кристаллов. Он узнал, что кристаллы состоят из повторяющихся узоров атомов или молекул, где каждое расположение определяет уникальные свойства и формы, — тайный код, высеченный в камне. Он обнаружил, что магнитные поля могут взаимодействовать с заряженными частицами и ионами, изменяя их движение и расположение. Это понимание, искра во тьме неведомого, зажгло его воображение, толкнув его к опытам, что испытают дальние пределы известного, применяя магнитные поля к росту минералов и кристаллов.

Он обнаружил аномалию в четверг в два часа ночи — время, когда приходило большинство его лучших находок: в особой тишине лаборатории на краю ночи, когда здание опустело и единственными звуками были гул оборудования и его собственное мышление.

Он проводил рутинную последовательность — магнитное поле в тридцать процентов интенсивности, раствор карбоната кальция в ростовой камере, ничего, что не делалось бы деся-

ток раз прежде. Он вполглаза читал статью о поведении ионной решётки и вполглаза наблюдал за камерой.

Образец породы в центре камеры начал светиться.

Не ярко. Не драматично. Слабое, беспричинное свечение, голубовато-белое, исходившее откуда-то изнутри образца, а не с его поверхности. Он смотрел на него три секунды, прежде чем шевельнуться, и эти три секунды заняла та часть его ума, что за десятилетия научилась отличать неисправность оборудования от открытия.

Это было открытие.

Он подошёл к приборам. Магнитное поле показывало норму. Температура камеры была в допуске. Ионный раствор не выказывал неожиданной химической активности. Всё, что могло измерить оборудование, было заурядным.

И всё же порода светилась.

Он сел на лабораторный табурет и долго смотрел на неё. Свечение было ровным — не пульсирующим, не колеблющимся, просто присутствующим, так, как присутствует то, что всегда было тут и лишь теперь стало видимым. Он подумал об осколке лунного камня в ящике стола. Он подумал о расколотых поверхностях после Авроры — о том внутреннем свечении, что он заметил в линиях излома осколков.

Он потянулся за тетрадью и написал: «Магнитное поле 30%. Образец карбоната кальция. Люминесценция: голубовато-белая, внутренний источник. Соответствующих показаний приборов нет. Длительность: продолжается. Механизм: неизвестен».

Он подчеркнул «неизвестен» и уставился на это слово.

Утром он позвонил Сольвейг.

Она приехала через сорок минут — достаточно быстро, чтобы стало ясно: она уже не спала, — и привезла кофе из заведения на углу, что открывалось в шесть.

Она встала у камеры и посмотрела на образец — всё ещё светившийся спустя двенадцать часов — и почти минуту ничего не говорила.

— Приборы ничего не показывают? — спросила она.

— Ничего.

— Значит, это не электромагнитное излучение в диапазоне, что улавливают наши приборы.

— Или это вообще не электромагнитное, — сказал Адам.

Она посмотрела на него.

— А чем бы ещё мог быть свет?

Ответа у него пока не было. У него была интуиция, а это не одно и то же.

— Мне нужен Даниэль, — сказал он.

К тому же дню все пятеро были в лаборатории. Даниэль привёз дополнительные датчики, откалиброванные под диапазоны за пределами охвата стандартного оборудования, и прогонял развёртки по всему электромагнитному спектру.

Итан осматривал корпус камеры — не потому, что подозревал неисправность, а потому, что осмотр корпуса был его способом думать.

Миа была у смотрового окна с тем выражением, что бывало у неё, когда она писала в зелёной тетради, одновременно поддерживая разговор, — полностью присутствуя разом в двух местах.

— Это не какой-либо стандартный электромагнитный диапазон, — сказал Даниэль два часа спустя. — Я не считываю с этого образца ничего, чего не считывал бы с любого обычного камня.

— Но ты видишь свет, — сказал Итан.

— Я вижу свет.

— Значит, свет существует.

— Свет существует, — подтвердил Даниэль тоном человека, что находит это скорее любопытным, чем досадным.

— Значит, наши приборы неполны, — сказала Сольвейг. — Мы построили их, чтобы улавливать то, о чём существовании уже знали.

— Образец лунного камня, — сказал Адам. Они обернулись к нему. Последний час он простоял в глубине комнаты — там, куда уходил, когда думал. — Я хочу прогнать ту же последовательность с осколком лунного камня.

— У тебя этот образец тридцать лет, — сказала Сольвейг. — Ты прогнал на нём все последовательности.

— Не эту. Не магнитное поле плюс ионный раствор в этом сочетании.

Он подошёл к столу и достал осколок лунного камня, завернутый в тряпицу. Тридцать лет обращения его не изменили.

Он поместил его в камеру. Он запустил последовательность.

Одиннадцать секунд ничего не происходило. А потом осколок не засветился.

Он запел.

Не слышимо. Но приборы Даниэля с расширенным диапазоном скакнули разом на четырёх показаниях в суб-радиочастотах — упорядоченный узор, рекурсивный и сложный, что не имел сходства ни с одной природной сигнатурой излучения ни в одной базе данных, к какой у них был доступ.

Даниэль уставился на экран.

— Это не камень, — сказал он.

— Нет, — сказал Адам. — Не камень.

Он написал в тетради: «Отклик лунного камня: упорядоченное суб-радиоизлучение. Рекурсивный узор. Не минерал. Не шум. Сигнал».

Он подчеркнул «Сигнал».

Он откинулся назад и подумал о шестилетнем мальчике на монолите...

Дни, что последовали за сигналом лунного камня, были самыми сосредоточенными в жизни Адама со времён года срыва — не той маниакальной, застеклённой сосредоточенностью того периода, а чем-то более чистым и осмысленным. Он шёл по нити. Нить была настоящей. Нить куда-то вела.

Они с Сольвейг три недели прогоняли варианты исходной последовательности — разные интенсивности поля, разные ионные растворы, разные образцы метеоритных осколков, — и сигнал появлялся всякий раз. Постоянный на разных материалах. Постоянный в разных условиях. Независимый от всего, что они меняли, кроме наличия магнитного поля примерно в тридцать процентов интенсивности.

Даниэль параллельно проводил анализ узора, сравнивая суб-радиоизлучения с каждой базой природных сигналов, к какой у них был доступ. Сравнение не возвращало ничего — ни один узор минерального излучения ни в одной документированной базе не имел структурного сходства с тем, что производил осколок лунного камня.

— Это не минеральное, — сказал Даниэль утром двадцать первого дня. Он сказал это так, как объявлял выводы: ровно, без прикрас, без оговорок. — В том смысле, что ни один минерал не производит этот узор. Что бы это ни было, это не свойство минерального класса.

— А свойство чего? — спросила Сольвейг.

Даниэль обдумывал это секунды четыре, что для Даниэля было долго.

— Не знаю, — сказал он. — И это любопытно.

Впервые на памяти Адама Даниэль сказал, что чего-то не знает, не сопроводив это тут же планом, как выяснить. Отсутствие этого сопровождения было, подумал Адам, само по себе своего рода данными.

...в норвежском заповеднике, прижимающем ладонь к камню и чувствующем, как открывается дверь. Дверь, как выяснилось, была лишь приоткрыта.

Движимый научной страстью, Адам взялся за дерзкий опыт: создание сильного магнитного поля внутри кристалла — задачу столь же честолюбивую, как попытка поймать молнию в бутылку. С кропотливой точностью он следил за силой и устойчивостью поля, оценивая его интенсивность и масштаб магнитного процесса в неумолимом вакууме космоса. Он стремился распутать тайны магнитных взаимодействий, написать новую главу в великой, незавершённой книге космоса. Адам оттачивал свою технику, постигая оптимальные условия, силу магнитного поля и длительность, необходимые для успешного роста минералов и кристаллов. Он дивился способности управлять процессом роста и был свидетелем возникновения потрясающих кристаллических структур с уникальными свойствами и эстетической красотой. Он создал тщательно управляемую установку, где мог точно регулировать условия роста минералов и кристаллов, вводя необходимые элементы и соединения. С особой точностью он помещал образцы в зону влияния магнитного поля, бережно калибруя его силу и ориентацию, чтобы достичь желаемых эффектов. Его неустанные опыты и постоянные доработки техники привели к созданию потрясающих кристаллических структур. Исследования показали, что магнитные поля могут влиять на процесс кристаллизации, изменяя скорость роста и форму кристаллов. Например, в одном исследовании обнаружили, что воздействие магнитного поля влияло на рост кристаллов сульфата меди, меняя их форму и плотность. В другом исследовании показали, что импульсное магнитное поле влияло на образование центров кристаллизации и динамику роста кристаллов карбоната кальция в водных растворах. С точностью и заботой он помещал образцы в зону влияния магнитного поля, следя за тем, чтобы его сила и ориентация были точно откалиброваны под желаемые эффекты. Он калибровал силу магнитного поля, наблюдал оптимальные условия и разгадывал тонкое равновесие, необходимое для успешного роста карбонатных кристаллов. Плоды его труда воплотились в потрясающих кристаллических структурах. Его пытливый ум привёл его к изучению возможности создания сильного магнитного поля внутри породы. Он осознал, что для этого ему нужно усилить гравитационные силы, действующие на материалы внутри породы. Тяжёлые элементы и металлы стали его союзниками в этом начинании, ибо он стремился усилить магнитное взаимодействие и создать постоянный магнитный процесс в космосе. Он воображал мир, где сама гравитация, усиленная присутствием тяжёлых элементов и металлов, могла бы стать орудием, силой, что усилит магнитное взаимодействие и создаст постоянный магнитный процесс даже в холодной, неумолимой пустоте космоса. Он не просто изучал вселенную — он учился с ней говорить. Однажды, купаясь в пыльном янтаре угасающего дня, когда солнце расписывало длинными тенями загромождённый ландшафт его кабинета, Сольвейг, женщина, чей ум сиял так же ярко, как кристаллы, что Адам выманил в бытие, села напротив него. Воздух гудел тихой симфонией научных приборов, и её оттенял едва уловимый запах старых книг и призраки бесчисленных опытов.

— Адам, у тебя такой вид, будто ты на пороге прорыва...

Стоял поздний вечер, и янтарный свет лился в окно, выходившее на запад. Сольвейг пришла и застала Адама за верстаком, спиной к двери, — не встревоженного и не рассеянного, но в позе человека, что бережно держит новое понимание, прежде чем оно будет испытано.

Она села напротив него.

Он не сразу поднял глаза. Взгляд его был на кристалле. Она тоже посмотрела на него прежде, чем он успел объяснить, — таков был её обычай с его открытиями: составить собственное прочтение прежде, чем его объяснение закроет иные толкования.

Кристалл был голубовато-белым в сердцевине, а к краям переходил в спектр, который она не могла точно назвать, — нечто, намекавшее на фиолетовый, но не оседавшее в нём. Янтарный свет ложился на его поверхность и выходил иным.

— Цвет, — сказал он. — Я подходил к нему не с той стороны. Пытался его сконструировать — подбирать элементы, целиться в определённую длину волны. Но цвет — не то свойство, в которое я могу целиться. Это следствие. Кристалл растёт определённым образом из-за условий, и цвет — это запись того, как он рос.

— Цвет — это история, — сказала она.

Он посмотрел на неё.

— Да. Именно так.

— И если я управляю полем, я управляю ростом. Если я управляю ростом, я управляю структурой. Если я управляю структурой...

— Я управляю преобразованием, — сказал он. — Я могу проектировать свет.

Она посидела с этой мыслью.

— Это не обычная минералогия.

— Нет.

— И не физика, если точно.

— Нет.

Он поднял кристалл к окну. Янтарный свет вошёл, а вышел свет, близкий к фиолетовому, и на миг пространство между кристаллом и стеной наполнилось чем-то, чего три секунды назад не существовало.

— Я пока не уверен, что это, — сказал он. — Но это начало чего-то, к чему я пытаюсь дотянуться.

Она достала тетрадь.

— Расскажи.

Он рассказал. Это заняло два часа. Она просила не разъяснений, а точности — заставляя его оттачивать каждое утверждение, что забегало вперёд доказательств. Когда он сказал, что возможности безграничны, она сказала, что это не научное утверждение, и заставила его найти конкретное. Он нашёл — за четыре секунды.

В какой-то момент он остановился на полуслове и посмотрел на неё.

— Вот эту часть я не мог сделать в лаборатории один, — сказал он.

— Для этого я и здесь, — сказала она.

— Я это знаю, — сказал он.

Она снова опустила взгляд на записи.

— Продолжай. Неустойчивая валентность углерода.

Он продолжил. Янтарный свет полз по полу, и кристалл ловил его и обращал в нечто иное, а тетрадь наполнялась тем, что было найдено.

— ...и голос её был тёплым и ободряющим. Адам, и глаза его сверкали от волнения, объяснил своё открытие: — Я обнаружил, что магнитные поля могут направлять образование кристаллов способами, каких я и вообразить не мог. Представь процесс, где каждая частица играет свою роль, ведомая незримым дирижёром — магнитным полем, температурой и давлением. Эти факторы направляют движение и выстраивание частиц, создавая поразительнейшие кристаллические структуры. Более того, ультрафиолетовый свет обладает силой значительно влиять на материалы, изменяя их свойства и творя чудеса.

Сольвейг, захваченная, придвинулась ближе к замысловатой установке. Адам поднял захватывающий дух кристалл.

— Он создан с помощью моей техники магнитного поля, — сказал он. — Это не просто наука; это сплав искусства и природы.

Сольвейг была в благоговении. Адам продолжил:

— Я работаю над созданием сильных магнитных полей *внутри* пород, чтобы увидеть, как они взаимодействуют с уникальными условиями космоса. Возможности бесконечны.

Позже, в уютной обстановке кафе под названием «Ле Папийон» — узкой комнаты близ обсерватории, где подавали хороший кофе и не задавали вопросов, — Адам и Сольвейг заняли свой обычный угловой столик.

Сольвейг поставила чашку.

— У тебя вид человека, что только что понял нечто, о чём думал десять лет.

— Восемь, — сказал Адам. — Работа над валентностью началась, когда мне было...

— Я знаю, когда она началась. Я была там. — Она открыла тетрадь. — Расскажи, что ты понял.

Он рассказал. Это заняло девяносто минут, и она позволила ему говорить, не перебивая, — тот особый вид внимания, что она пускала в ход, когда считала, что сказанное, вероятно, верно, и хотела услышать всю конструкцию прежде, чем находить изъяны.

Когда он закончил, она подчеркнула что-то на третьей странице своих записей.

— Вот, — сказала она. — Схема валентности и молекулярной организации. Ты сказал, что их взаимодействие управляет свойствами жидкого кристалла. Но ты не учёл температурное окно.

— Температурное окно варьируется в зависимости от состава.

— Покажи.

Он взял её тетрадь и проработал уравнения на полях. Она следила за движением его руки — не за самими уравнениями, их она проверит позже, — а за качеством движения, что говорило ей об уверенности, стоявшей за утверждением, того, о чём сами символы молчали.

— Окно шире, чем предполагает литература, — сказала она.

— Примерно втрое.

— Одно это уже можно публиковать.

— Знаю. Но я не хочу публиковать это отдельно. Я хочу понять, почему окно шире. Думаю, ответ связан с сигналом осколка. С данными по лунному камню. С чем-то, чему у нас пока нет имени.

Сольвейг допила остывший кофе.

— Ты думаешь, кристалл делает нечто намеренное, — сказала она.

— Я думаю, «намеренное» — слово для того, у чего есть нервная система. Я думаю, кристалл делает нечто, что в системе с нервной системой мы назвали бы намеренным.

Пауза.

— Тогда отклик кристалла на поле — не реакция. Это поведение, — сказала она.

— А поведение подразумевает обработку информации, — сказал Адам. — Кристалл обрабатывает сведения о своей среде и откликается способом, что постоянен в разных условиях и на разных образцах. А это то, что делает очень простое живое существо.

— Нам понадобится независимая проверка. Несколько лабораторий. Слепое тестирование.

— Знаю.

— И такая рамка для того, что мы утверждаем, чтобы это не звучало как витализм.

— Это я тоже знаю.

Она взяла ручку.

— Хорошо. Проведи меня по этому с самого начала. Не так, как объяснял бы редактору журнала. Так, как объяснял бы тому, кто ближайшие три года будет проверять каждый шаг.

Они просидели в «Ле Папийон», пока не угас вечерний свет и кафе не наполнилось ужи-
нающей публикой, и официант дважды подходил, и оба раза они, не поднимая глаз, отвечали «нет». Сольвейг исписала девятнадцать страниц. Адам выпил четыре чашки кофе, которых почти не распробовал.

Когда они наконец вышли и шли обратно к обсерватории сквозь холод, Сольвейг сказала:

— Если это подтвердится, это изменит то, чем мы занимаемся. Мы изучаем не образование кристаллов. Мы изучаем примитивную форму обмена информацией в минеральной материи. А это совершенно другая область.

— Область, которой ещё не существует, — сказал Адам.

— Прекрасно, — сказала она. — Мне уже наскучили существующие.

Они чокнулись чашками, разделив миг научного изумления и тепло той же жажды, и связь их окрепла в уютном кафе. Их чашки звякнули — нежный звон, что вторил гармонии их общего мгновения, свидетельство непреходящей силы научного изумления и тепла человеческой связи, омытых мягким золотым светом «Ле Папийон» — оазиса раздумий и грёз в сердце шумного города. Их разговоры без запинки перетекали от научных обсуждений к мечте, которую нёс в себе каждый из них. Тёплый свет кафе, казалось, усиливал волшебство того, что влекло их всех вперёд. Позже, за дымящимися кружками кофе в их любимом кафе, к Адаму и Сольвейг присоединились остальные. Разговор естественным образом вновь свернул к опытам Адама. Итан, прагматичный инженер компании, подался вперёд, и на лице его читался скепсис.

— Так ты хочешь сказать, что можешь сделать алмаз, что меняет цвет? Звучит... невероятно.

— Не невероятно, Итан, невозможно... до сего дня, — возразил Адам с озорной ухмылкой. — Я не просто играю со светом; я управляю фундаментальными силами, что правят образованием кристаллов, — валентностью, молекулярным расположением, самым танцем атомов.

Даниэль, аналитик данных команды, вставил:

— Симуляции Адама поразительно точны. Контроль над ростом кристаллов, которого он добивается, беспрецедентен. Речь о материалах, что могли бы найти применение во всём — от передовой электроники до революционных медицинских устройств.

Миа, творческая сила команды и мастер кристаллизации, добавила...

Миа, творческая сила команды и мастер кристаллизации, вела летопись уже одиннадцать лет.

Не официальную летопись — лабораторные заметки, экспериментальные журналы, черновики статей. Всё это принадлежало всем и подшивалось соответственно. Летописью Миа была зелёная тетрадь, теперь уже восьмая зелёная тетрадь в череде, что она держала на особой полке в своей квартире, по датам, корешками наружу, чтобы легко найти.

Зелёные тетради хранили то, чего не хранила официальная летопись: качество света в лаборатории в день, когда запел лунный камень. Особый звук пера Итана по инженерному блокноту — скрип, что каким-то образом передавал, ладится ли расчёт или нет. Точное выражение лица Сольвейг, когда она удерживала чувство, для которого не отвела времени. Слова, что говорил Адам, оставшись в лаборатории один, разговаривая со звёздами так, как разговаривал с ними с девяти лет, на крыше в Кармёе.

Она не перечитывала тетради с третьей. Ей это было ни к чему — то, что было в них, было в ней самой, так же как работа была во всех них, накопленная не как сведения, а как своего рода вещество.

Она писала их, потому что кому-то нужно было. Она поняла это с самого начала: что наука порождает свою летопись автоматически — в данных, статьях и цитатах, — но что человеческий факт этого, ужасающая гениальность этого, тот особый способ, каким пятеро людей в комнате откликались, когда невозможное оказывалось настоящим, — что всё это будет утрачено, если кто-нибудь не запишет.

Этим кем-нибудь была она.

Она не считала это меньшим вкладом. Она считала это вкладом, что переживёт все остальные, когда наука будет превзойдена, приборы устареют, а статьи будут лежать в цифровых архивах, куда никто не заглядывает. Тетради расскажут правду об этом. И это чего-то стоило.

Она приписала под тем, что уже написала: «Я люблю этих людей. Я имею в виду ту особую любовь, что рождается, когда работаешь бок о бок с кем-то пятнадцать лет ради невозможного, — она иная, чем другие виды любви, но не меньшая. Это любовь свидетелей».

Она закрыла тетрадь и вернулась к работе.

— Дело не только в науке, но и в искусстве. Вообразите, как создаются кристаллы с такими замысловатыми узорами, такими захватывающими дух цветами, — это как ваять светом и атомами!

Сольвейг подняла кружку.

— За безумных учёных, дотошных художников и захватывающие дух возможности!

Адам, чей ум парил среди созвездий, не мог трудиться в одиночку в этом изысканном царстве. Ему нужен был хор для его одинокой арии, команда, чтобы заземлить его небесные устремления. И потому они собрались снова, влекомые его пылающим видением, как мотыльки на особенно яркое пламя. Провидческая идея Адама простиралась до создания уникального алмаза, способного менять цвет под воздействием ультрафиолетового света, приближаясь по прочности к традиционным алмазам и наделяя его при этом отличительными качествами. Переход от тёплого, задушевного сияния «Ле Папийон» к стерильной, но живой энергии лаборатории Адама был так же резок, как смена частей в симфонии. Ушли тихий ропот и звон чашек, сменившись гулом машин и резким, почти металлическим запахом новшества. И всё же нить разговора, общая зачарованность замысловатым танцем молекул, оставалась неразорванной — свидетельство непреходящей силы их интеллектуальной связи. Вскоре вся команда собралась вновь. Воздух в лаборатории Адама потрескивал от гула электричества и тихого трепета предвкушения. Пылинки плясали в единственном столбе солнечного света, что пронзал мрак, озаряя ряды булькающих колб, странные сооружения из проводов и магнитов и полки, забитые сверкающими кристаллами — иными природными, иными... не совсем. Глаза Адама поблёскивали, пока он бережно подкручивал регуляторы своего оборудования. Лицо его озаряло фосфоресцирующее свечение компьютерного экрана, где выводились сложные симуляции, и он бормотал себе под нос, подстраивая ручку гудящего генератора магнитного поля.

— Почти... почти... — шептал он.

Вдруг из дальнего угла раздался грохот.

— Адам? — голос Сольвейг, окрашенный тревогой, прорезал напряжённую тишину. Она поспешила в лабораторию, в слегка сбившемся халате, с недоеденным сэндвичем в руке.

— Просто небольшая заминка, — пробормотал Адам, кивнув на разбитую колбу. — Лёгкий просчёт в перепаде давления. Ничего, что нельзя было бы исправить небольшой... калибровкой. — Он подмигнул, и в глазах его блеснул озорной огонёк.

Сольвейг ухмыльнулась.

— Ну да. «Откалибровать». Звучит куда менее драматично, чем «взорвавшаяся колба». — Она осторожно подняла осколок стекла. — Знаешь, Адам, ты словно безумный учёный в сочетании с дотошным художником. Меня всегда поражает твоё внимание к деталям — даже в твоих «небольших заминках».

Адам ухмыльнулся, и прежняя досада его растаяла.

— Всё дело в достижении совершенного равновесия, Сольвейг. В науке, как и в искусстве, точность — это главное. — Он указал на экран. — Я работаю над управлением магнитными полями, чтобы контролировать рост кристаллов. Потенциал... ошеломляющий.

— «Ошеломляющий» — это преуменьшение, — ответила Сольвейг. — Вообразить только — кристаллы на заказ со свойствами, о каких мы можем лишь мечтать. А цвет, Адам? Ты можешь управлять цветом?

— Цвет — это завораживающая игра света и структуры, — объяснил Адам. — Всё дело в том, чтобы обуздать преломление света внутри кристаллической решётки. Представь это как симфонию световых волн, где каждый элемент играет свою ноту, создавая неповторимую гар-

монию. Я работаю над созданием кристаллов, что меняют цвет в зависимости от температуры, интенсивности света и даже фаз луны!

Сольвейг ахнула.

— Кристалл, чувствительный к луне? Адам, ты выходишь за пределы реальности!

И вновь Адам и его команда собрались обсудить своё исследование — Итан, теперь инженер по генераторам магнитного поля, Даниэль, специалист по симуляциям, Миа, знаток кристаллизации, и Сольвейг, дотошная летописица, — начали регулярно встречаться, чтобы обсуждать своё исследование. Они изучали влияние магнитных полей на процессы кристаллизации, стремясь понять, как управлять ростом кристаллов с помощью настраиваемых магнитных полей. Их совместная работа включала моделирование магнитных полей и анализ их воздействия на кристаллические структуры, что открывало новые возможности в построении звёзд — уникальных кристаллических форм. Адам подался вперёд, рисуя словами живые картины.

— Вообразите, друзья, процесс минеральной кристаллизации — явление, оркеструемое силами природы. Вода, холст для художественных творений природы, становится сценой для этого завораживающего зрелища.

Руки Адама двигались изящно, подражая танцу растворённых ионов, пока он продолжал повествование.

— Это танец стихий, где растворённые ионы, точно грациозные артисты, движутся и взаимодействуют. При определённых условиях среды, ведомые временем, эти рассеянные ионы объединяются и претерпевают волшебное превращение. То, что некогда было простой взвесью, обращается в захватывающее дух явление кристаллической красоты. Эти кристаллы, друзья, точно изысканные изваяния природы, созданные алхимией стихий и течением времени. Сложность их структур, игра цветов и сама поэзия их образования — всё это разворачивается в жидких объятиях их окружения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.